

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Майн Рид

ВСАДНИК
БЕЗ ГОЛОВЫ
МОРСКОЙ
ВОЛЧОНОК

«ИНОСТРАННИК»

Иностранная литература. Большие книги

Томас Майн Рид

**Всадник без головы.
Морской волчонок**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Майн Рид Т.

Всадник без головы. Морской волчонок / Т. Майн Рид —
«Азбука-Аттикус», — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24854-0

В книгу включены два произведения английского писателя, признанного классика приключенческой литературы Томаса Майн Рида – знаменитый роман «Всадник без головы» (1865–1866), прославивший своего создателя, и повесть «Морской волчонок» (1859). Проникнутая впечатлениями и настроениями молодых лет, которые автор провел в США, романтическая история о благородном техасском мустангере Морисе Джеральде и прекрасной дочери плантатора Луизе Пойндекстер, чьей любви противостоят козни завистника и зловещая тайна безголового всадника, наводящего ужас на обитателей саванны, и по сей день пленяет воображение читателей как на родине Майн Рида, так и во всем мире. Героя «Морского волчонка», двенадцатилетнего Филиппа Форстера, мальчишеская тяга к странствиям и приключениям приводит на борт следующего из Англии в Перу торгового судна «Инка», куда он проникает тайком от команды. Укрывшись в трюме, заживо погребенный среди тюков с грузом, ящиков и бочек, юный Филипп вынужден вести постоянную борьбу за выживание – преодолевать жажду, голод, одиночество, страх темноты, морскую болезнь и сражаться с корабельными крысами. Ему приходится использовать все свои знания, умения и смекалку, чтобы пробить себе путь наверх, к свободе. Произведения печатаются в сопровождении классических иллюстраций Николая Кочергина («Всадник без головы») и Леона Бенетта («Морской волчонок»).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24854-0

© Майн Рид Т.
© Азбука-Аттикус

Содержание

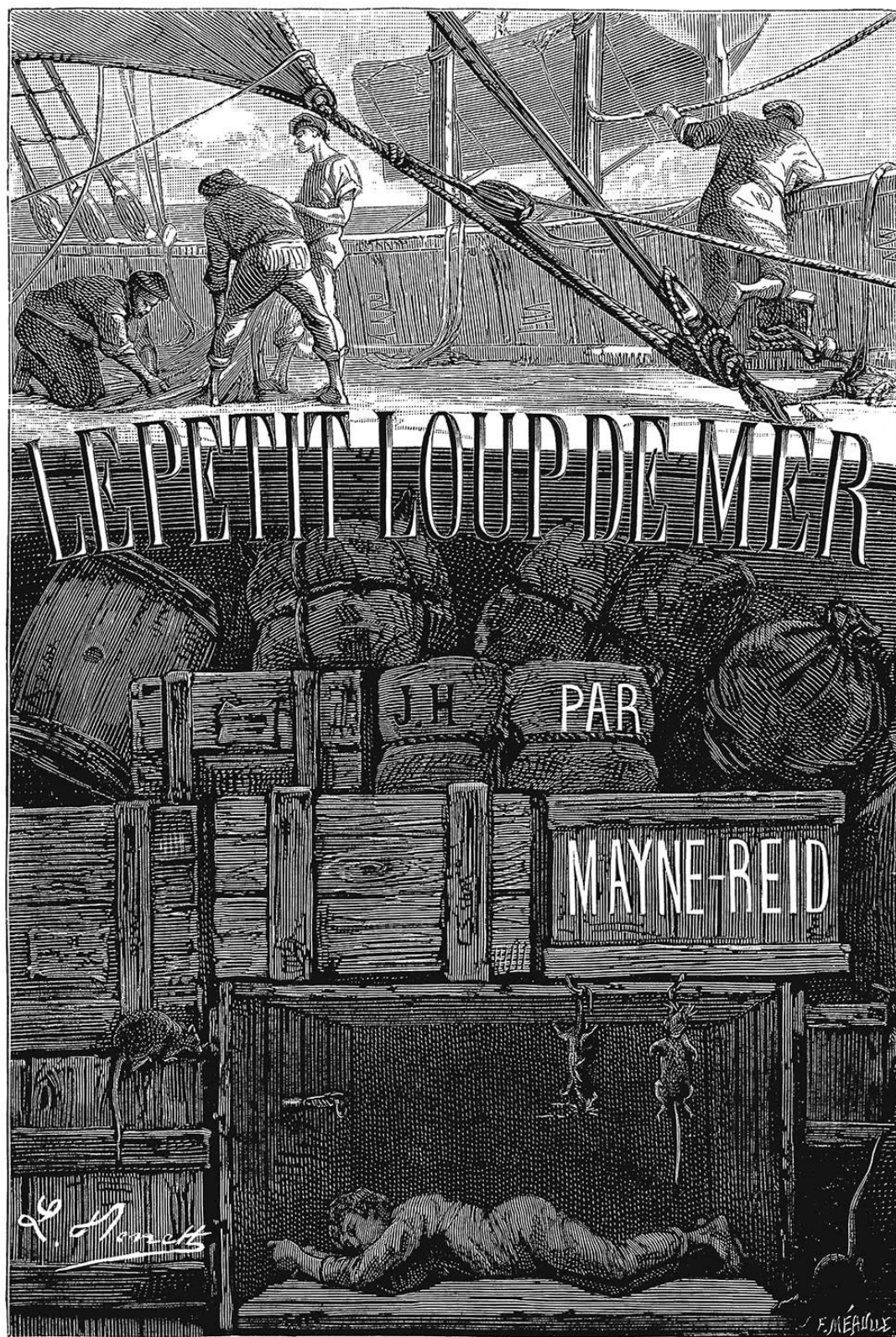
Всадник без головы	9
Пролог	10
Глава I	12
Глава II	16
Глава III	21
Глава IV	25
Глава V	30
Глава VI	34
Глава VII	39
Глава VIII	43
Глава IX	46
Глава X	50
Глава XI	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Майн Рид
Всадник без головы. Морской волчонок
роман, повесть

Thomas Mayne REID
THE HEADLESS HORSEMAN.
THE BOY TAR, OR, A VOYAGE IN THE DARK

© Н. М. Кочергин (наследники), иллюстрации, 2023
© А. Ю. Макарова (наследники), перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

* * *

Майн Рид

ВСАДНИК
БЕЗ ГОЛОВЫ
♦
МОРСКОЙ
ВОЛЧОНОК

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Всадник без головы

Пролог

Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны¹, вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

Но он не покидает своего зеленого ложа, даже не встает на ноги. Не ему одному принадлежат эти просторы – дикие степные лошади тоже пасутся здесь по ночам. Он только слегка поднимает голову – над высокой травой показываются его рога – и слушает: не повторится ли звук?

Снова доносится топот копыт, но теперь он звучит иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении. Он стремительно вскакивает и мчится по прерии; но скоро он останавливается и оглядывается назад, недоумевая: кто потревожил его сон?

В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага – человека. Человек приближается верхом на лошади.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника – что-то неестественное – приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть – в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

Что же заставило оленя так долго вглядываться в странную фигуру?

Лошадь? Но это обыкновенный конь, оседланный, взнузданный, – в нем нет ничего, что могло бы вызвать удивление или тревогу. Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать – в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

¹ Саванна – американская степь, покрытая высокой сочной травой.

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минуту смотрит олень растерянными глазами, как бы силясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит. Он не останавливается до тех пор, пока не переплывает Леону и бурный поток не отделяет его от страшного всадника.

Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке, но, кажется, никуда не спешит, а движется медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Словно поглощенный своими мыслями, всадник опустил поводья, и лошадь его время от времени пощипывает траву. Ни голосом, ни движением не подгоняет он ее, когда, испуганная лаем койотов, она вдруг вскидывает голову и, храпя, останавливается.

Кажется, что он во власти каких-то глубоких чувств и мелкие происшествия не могут вывести его из задумчивости. Ни единым звуком не выдает он своей тайны. Испуганный олень, лошадь, волк и полуночная луна – единственные свидетели его молчаливых раздумий.

На плечи всадника наброшено серапе², которое при порыве ветра приподнимается и открывает часть его фигуры; на ногах у него гетры из шкуры ягуара. Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним, беззаботный, как цикады, стрекочущие в траве, как ночной ветерок, играющий складками его одежды.

Наконец что-то, по-видимому, вывело всадника из задумчивости – его конь ускорил шаг. Вот конь встряхнул головой и радостно заржал – с вытянутой шеей и раздувающимися ноздрями он бежит вперед рысью и скоро уже скачет галопом: близость реки – вот что заставило коня мчаться быстрее.

Он не останавливается до тех пор, пока не погружается в прозрачный поток так, что вода доходит всаднику до коленей. Конь с жадностью пьет; утолив жажду, он переправляется через реку и быстрой рысью взбирается по крутому берегу.

Наверху всадник без головы останавливается, как бы ожидая, пока конь отряхнется от воды. Раздается лязг сбруи и стремян – словно гром загрохотал в белом облаке пара.

Из этого ореола появляется всадник без головы; он снова продолжает свой путь.

Видимо подгоняемая шпорами и направляемая рукой седока, лошадь больше не сбивается с пути, а бежит уверенно вперед, словно по знакомой тропе.

Впереди, до самого горизонта, простираются беслесные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; силуэт постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света.

² *Serape* – широкий мексиканский плащ.

Глава I

Выжженная прерия

Полуденное солнце ярко светит с безоблачного лазоревого неба над бескрайней равниной Техаса около ста миль южнее старого испанского города Сан-Антонио-де-Бехар. В золотых лучах вырисовываются предметы, необычные для дикой прерии, – они говорят о присутствии людей там, где не видно признаков человеческого жилья.

Даже на большом расстоянии можно разглядеть, что это фургоны; над каждым – полукруглый верх из белоснежного полотна.

Их десять – слишком мало для торгового каравана или правительственного обоза. Скорее всего, они принадлежат какому-нибудь переселенцу, который высадился на берегу моря и теперь направляется в один из новых поселков на реке Леоне.

Вытянувшись длинной вереницей, фургоны ползут по саванне так медленно, что их движение почти незаметно, и лишь по их взаимному положению в длинной цепи обоза можно о нем догадаться. Темные силуэты между фургонами свидетельствуют о том, что они запряжены; а убегающая в испуге антилопа и взлетающий с криком кроншнеп выдают, что обоз движется. И зверь и птица недоумевают: что за странные чудовища вторглись в их дикие владения?

Кроме этого, во всей прерии не видно никакого движения: ни летящей птицы, ни бегущего зверя. В этот знойный полуденный час все живое в прерии замирает или прячется в тень. И только человек, подстрекаемый честолюбием или алчностью, нарушает законы тропической природы и бросает вызов палящему солнцу.

Так и хозяин обоза, несмотря на изнуряющую полуденную жару, продолжает свой путь.

Каждый фургон запряжен восемью сильными мулами. Они везут большое количество съестных припасов, дорогую, можно даже сказать, роскошную мебель, черных рабынь и их детей; чернокожие невольники идут пешком рядом с обозом, а некоторые устало плетутся позади, еле переступая израненными босыми ногами. Впереди едет легкая карета, запряженная выхолощенными кентуккскими мулами; на ее козлах черный кучер в ливрее изнывает от жары. Все говорит о том, что это не бедный поселенец из северных штатов ищет себе новую родину, а богатый южанин, который уже приобрел усадьбу и едет туда со своей семьей, имуществом и рабами.

И в самом деле, обоз принадлежит плантатору, который высадился с семьей в Индианоле, на берегу залива Матагорда, и теперь пересекает прерию, направляясь к своим новым владениям.

Среди сопровождающих обоз всадников, как всегда, впереди едет сам плантатор, Вудли Пойндекстер – высокий, худощавый человек лет пятидесяти, с бледным, болезненно-желтоватым лицом и с горделиво-суровой осанкой. Одет он просто, но богато. На нем свободного покроя кафтан из альпака, жилет из черного атласа и нанковые панталоны. В вырезе жилета видна сорочка из тончайшего полотна, перехваченная у ворота черной лентой. На ногах, вдетых в стремя, – башмаки из мягкой дубленой кожи. От широких полей соломенной шляпы на лицо плантатора падает тень.

Рядом с ним едут два всадника, один справа, другой слева: это юноша лет двадцати и молодой человек лет на шесть-семь старше.

Первый – сын Пойндекстера. Открытое, жизнерадостное лицо юноши совсем не похоже на суровое лицо отца и на мрачную физиономию третьего всадника – его кузена.

На юноше французская блуза из хлопчатобумажной ткани небесно-голубого цвета, панталоны из того же материала; этот костюм – самый подходящий для южного климата – очень к лицу юноше, так же как и белая панاما.

Его двоюродный брат – отставной офицер-волонтер – одет в военную форму из темно-синего сукна, на голове у него сукодная фуражка.

Еще один всадник скачет неподалеку; у него тоже белая кожа, правда не совсем белая. Грубые черты его лица, дешевая одежда, плеть, которую он держит в правой руке, так искусно ею шелкая, – все говорит о том, что это надсмотрщик над чернокожими, их мучитель.

В карриоле – легкой карете, представлявшей нечто среднее между кабриолетом и ландо, – сидят две девушки. У одной из них кожа ослепительно-белая, у другой – совсем черная. Это единственная дочь Вудли Пойндекстера и ее чернокожая служанка.

Путешественники едут с берегов Миссисипи, из штата Луизиана.

Сам плантатор не уроженец этого штата; другими словами – не креол³. По лицу же его сына и особенно по тонким чертам его дочери, которая время от времени выглядит из-за занавесок кареты, легко догадаться, что они потомки французской эмигрантки, одной из тех, которые более столетия назад пересекли Атлантический океан.

Вудли Пойндекстер, владелец крупных сахарных плантаций, был одним из наиболее надменных, расточительных и хлебосольных аристократов Юга. В конце концов он разорился, и ему пришлось покинуть свой дом на Миссисипи и переехать с семьей и горсточкой оставшихся негров в дикие прерии юго-западного Техаса.

Солнце почти достигло зенита. Путники идут медленно, наступая на собственные тени. Расслабленные нестерпимой жарой, белые всадники молча сидят в своих седлах. Даже негры, менее чувствительные к зною, прекратили свою болтовню и, сбившись в кучки, безмолвно плетутся позади фургонов.

Тишина, томительная, как на похоронах, время от времени прерывается лишь резким, словно выстрел пистолета, шелканьем кнута или же громким бархатистым «уоа», срывающимся с толстых губ то одного, то другого чернокожего возницы.

Медленно движется караван, как будто он идет ощупью. Собственно, настоящей дороги нет. Она обозначена только следами колес проехавших ранее повозок, следами, заметными лишь по раздавленным стеблям сочной травы.

Несмотря на свой черепаший шаг, лошади, запряженные в фургоны, делают все, что в их силах. Плантатор предполагает, что до новой усадьбы осталось не больше двадцати миль. Он надеется добраться туда до наступления ночи. Поэтому он и решил продолжать путь, невзирая на полуденную жару.

Вдруг надсмотрщик делает знак возницам, чтобы они остановили обоз. Отъехав на сотню ярдов вперед, он внезапно натянул поводья, как будто перед каким-то препятствием.

Он мчит к обозу. В его жестах – тревога. Что случилось?

Не индейцы ли? Говорили, что они появляются в этих местах.

– Что случилось, мистер Сансом? – спросил плантатор, когда всадник приблизился.

– Трава выжжена. В прерии был пожар.

– Был пожар? Но ведь сейчас прерия не горит? – быстро спрашивает хозяин обоза, бросая беспокойный взгляд в сторону кареты. – Где? Я не вижу дыма.

– Нет, сэр, – бормочет надсмотрщик, поняв, что он поднял напрасную тревогу, – я не говорил, что она сейчас горит, я только сказал, что прерия горела и вся земля стала черной, что твоя пиковая десятка.

– Ну, это не беда! Мне кажется, мы так же спокойно можем путешествовать по черной прерии, как и по зеленой.

– Глупо, Джош Сансом, поднимать шум из-за пустяков!.. Эй вы, черномазые, пошевеливайтесь! Берись за кнуты! Погоняй! Погоняй!

³ Креолы – потомки французов или испанцев, ранних переселенцев в Америку. Они сохраняют свой национальный язык и обычаи.

– Но скажите, капитан Колхаун, – возразил надсмотрщик человеку, который так резко отчитал его, – как же мы найдем дорогу?

– Зачем искать дорогу? Какой вздор! Разве мы с нее сбились?

– Боюсь, что да. Следов колес не видно: они сгорели вместе с травой.

– Пустяки! Как будто нельзя пересечь выжженный участок и без следов. Мы найдем их на той стороне.

– Да, если только там осталась другая сторона, – простодушно ответил надсмотрщик, который, хотя и был уроженцем восточных штатов, не раз бывал и на западной окраине прерии и знал, что такое пограничная жизнь. – Что-то ее не видно, хоть я и с седла гляжу!..

– Погоняй, черномазые! Погоняй! – закричал Колхаун, прервав разговор.

Пришпорив лошадь, он поскакал вперед, давая этим понять, что распоряжение должно быть выполнено.

Обоз опять тронулся, но, подойдя к границе выжженной прерии, внезапно остановился.

Всадники съезжаются вместе, чтобы обсудить, что делать. Положение трудное, – в этом все убедились, взглянув на равнину, которая расстилалась перед ними.

Кругом не видно ничего, кроме черных просторов. Нигде никакой зелени – ни стебелька, ни травинки. Пожар прошел недавно – во время летнего солнцестояния. Созревшие травы и яркие цветы прерии – все превратилось в пепел под разрушающим дыханием огня.

Впереди, направо, налево, насколько хватает зрения, простирается картина опустошения. Небо теперь не лазоревое – оно стало темно-синим, а солнце, хотя и не заслонено облаками, как будто не хочет здесь светить и словно хмурится, глядя на мрачную землю.

Надсмотрщик сказал правду: не осталось и следов дороги.

Пожар, испепеливший созревшие травы прерии, уничтожил и следы колес, указывавших раньше дорогу.

– Что же нам делать? – этот вопрос задает сам плантатор, и в голосе его звучит растерянность.

– Что делать, дядя Вудли?.. Конечно, продолжать путь. Река должна быть по ту сторону пожарища. Если нам не удастся найти переправу на расстоянии полумили, мы поднимемся вверх по течению или спустимся вниз... Там видно будет.

– Но, Кассий, ведь этак мы заблудимся!

– Вряд ли... Мне кажется, что выгоревшее пространство не так велико. Не беда, если мы немного собьемся с дороги: все равно, рано или поздно, мы выйдем к реке в том или ином месте.

– Хорошо, мой друг. Тебе лучше знать, я положусь на тебя.

– Не бойтесь, дядя. Мне случалось бывать и не в таких переделках... Вперед, негры! За мной!

И отставной офицер бросает самодовольный взгляд в сторону кареты, из-за занавесок которой выглядывает прекрасное, слегка встревоженное лицо девушки. Колхаун шпорит лошадь и самоуверенно скачет вперед.

Вслед за щелканьем кнутов слышится топот копыт восьми-десяти мулов, смешанный со скрипом колес. Фургоны снова двинулись в путь.

Мулы идут быстрее. Черная поверхность, непривычная для глаз животных, словно подгоняет их; едва успев коснуться пепла копытами, они тотчас же снова поднимают ноги. Молодые мулы храпят в испуге. Мало-помалу они успокаиваются и, глядя на старших, идут вслед за ними ровным шагом.

Так караван проходит около мили. Затем он снова останавливается. Это распоряжение отдал человек, который сам вызвался быть проводником. Он натягивает поводья, но в позе его уже нет прежней самоуверенности. Должно быть, он озадачен, не зная, куда ехать.

Ландшафт изменился, но не к лучшему. Все по-прежнему черно до самого горизонта. Только поверхность уже не ровная: она стала волнистой. Цепи холмов перемежаются долинами. Нельзя сказать, что здесь совсем нет деревьев, хотя то, что от них осталось, едва ли можно так назвать. Здесь были деревья до пожара – алгаробо⁴, мескито⁵ и еще некоторые виды акации росли здесь в одиночку и рощами. Их перистая листва исчезла без следа, остались только обуглившиеся стволы и почерневшие ветки.

– Ты сбился с дороги, мой друг? – спрашивает плантатор, поспешно подъезжая к племяннику.

– Нет, дядя, пока нет. Я остановился, чтобы оглядеться. Нам нужно ехать вот по этой долине. Пусть караван продолжает путь. Мы едем правильно, я за это ручаюсь.

Караван снова трогается. Спускается вниз по склону, направляется вдоль долины, снова взбирается по откосу и на гребне возвышенности опять останавливается.

– Ты все же сбился с дороги, Каш? – повторяет свой вопрос плантатор, подъезжая к племяннику.

– Черт побери! Боюсь, что ты прав, дядя. Но скажи, какой дьявол мог бы вообще отыскать дорогу на этом пожарище!.. Нет-нет! – вдруг восклицает Колхаун, увидев, что карета подъехала совсем близко. – Мне теперь все ясно. Мы едем правильно. Река должна быть вон в том направлении. Вперед!

И капитан шпорит лошадь, по-видимому сам не зная, куда ехать. Фургоны следуют за ним, но от возниц не ускользнуло замешательство Колхауна. Они замечают, что обоз движется не прямо вперед, а кружит по долинам между рощицами.

Но вот ободряющий возглас вожатого сразу поднимает настроение путников. Дружно щелкают кнуты, слышатся радостные восклицания.

Путешественники вновь на дороге, где до них проехало, должно быть, с десятков повозок. И это было совсем недавно: отпечатки колес и копыт совершенно свежие, как будто они сделаны час назад. Видимо, по выжженной прерии проехал такой же караван.

Как и они, он, должно быть, держал свой путь к берегам Леоны; очень вероятно, что это правительственный обоз, который направляется в форт Индж. В таком случае остается только двигаться по его следам. Форт находится в том же направлении, лишь немного дальше новой усадьбы.

Ничего лучшего нельзя было и ожидать. От замешательства Колхауна не остается и следа, он снова воспрянул духом и с чувством нескрываемого самодовольства отдает распоряжение трогаться.

На протяжении мили, а может быть, и больше караван идет по найденным следам. Они ведут не прямо вперед, но кружат среди обгоревших рощ. Самодовольная уверенность Кассия Колхауна переходит в мрачное уныние. На лице его отражается глубокое отчаяние, когда он наконец догадывается, что следы сорока четырех колес, по которым они едут, были оставлены каретой и десятью фургонами – теми самыми, что следуют сейчас за ним и с которыми он проделал весь путь от залива Матагорда.

⁴ Алгаробо – рожковое дерево.

⁵ Мескито – колючий кустарник.

Глава II

След лассо

Не оставалось никаких сомнений, что фургоны Вудли Пойндекстера шли по следам своих же колес.

– Наши следы! – пробормотал Колхаун: сделав это открытие, он натянул поводья и разразился проклятиями.

– Наши следы? Что ты этим хочешь сказать, Кассий? Неужели мы едем...

– ...по нашим собственным следам. Да, именно это я и хочу сказать. Мы описали полный круг. Смотрите: вот заднее копыто моей лошади – отпечаток половины подковы, а вот следы негров. Теперь я узнаю и место. Это тот самый холм, откуда мы спускались после нашей последней остановки. Вот уж чертовски не повезло – напрасно проехали около двух миль!

Теперь на лице Колхауна заметна не только растерянность – на нем появились горькая досада и стыд. Это он виноват, что в караване нет настоящего проводника. Тот, которого наняли в Индианоле, сопровождал их до последней стоянки; там, поспорив с заносчивым капитаном, он попросил расчет и отправился назад.

Все это, а также чрезмерная самоуверенность, с которой он вызвался вести караван, заставляют теперь племянника плантатора испытывать мучительный стыд. Его настроение становится совсем мрачным, когда приближается карета и прекрасные глаза видят его замешательство.

Пойндекстер больше не задает вопросов. Для всех теперь ясно, что они сбились с пути. Даже босоногие пешеходы узнали отпечатки своих ног и поняли, что идут по этим местам уже во второй раз.

Караван опять остановился; всадники возбужденно совещаются. Положение серьезное: так думает и сам плантатор. Он потерял надежду до наступления темноты закончить путешествие, как предполагал раньше.

Но это еще не самая большая беда. Кто знает, что ждет их впереди? Выжженная прерия полна опасностей. Быть может, им предстоит провести здесь ночь, и нигде будет достать воды, чтобы напоить мулов. А может быть, и не одну ночь?

Но как же найти дорогу? Солнце начинает клониться к западу, хотя все еще стоит слишком высоко, чтобы уловить, в какую сторону оно движется; однако через некоторое время можно было бы определить, где находятся страны света.

Но что толку? Даже если они узнают, где находятся восток, запад, север и юг, ничего не изменится – они потеряли направление!

Колхаун стал осторожнее. Он уже больше не претендует на роль проводника. После такой позорной неудачи у него не хватает на это смелости.

Минут десять они совещаются, но никто не может предложить разумный план действий. Никто не знает, как вырваться из этой черной прерии, которая заволакивает черной пеленой не только солнце и небо, но и лица тех, кто попал в ее пределы.

Высоко в небе показалась стая черных грифов. Они всё приближаются. Некоторые из них опускаются на землю, другие кружат над головами заблудившихся путников. В поведении хищников есть что-то зловещее.

Прошло еще десять гнетущих минут. И вдруг к людям вернулась бодрость: они увидели всадника, скачущего прямо к обозу.

Какая неожиданная радость! Кто бы мог подумать, что в таком месте можно встретить человека! Снова надежда засветилась в глазах путников – в приближающемся всаднике они видят своего спасителя.

– Ведь он едет к нам, не правда ли? – спросил плантатор, не веря своим глазам.

– Да, отец, он едет прямо к нам, – ответил Генри и стал кричать и размахивать шляпой высоко над головой, чтобы привлечь внимание всадника.

Но это было излишне – всадник и без того заметил остановившийся караван. Он скакал галопом и скоро приблизился настолько, что можно было окликнуть его.

Он натянул поводья, только когда миновал обоз и подъехал к плантатору и его спутникам.

– Мексиканец, – прошептал Генри, взглянув на одежду незнакомца.

– Тем лучше, – так же тихо ответил ему отец. – Тогда он наверняка знает дорогу.

– Ничего мексиканского в нем нет, кроме костюма, – пробормотал Колхаун. – Я сейчас это узнаю... Buenos días, caballero! Esta Vuestra Mexicano? (Добрый день, кабальеро! Вы мексиканец?)

– О нет, – ответил тот, улыбнувшись. – Я совсем не мексиканец. Я могу объясняться с вами и по-испански, если хотите, но, мне кажется, вы лучше поймете меня, если мы будем говорить по-английски – ведь это ваш родной язык? Не так ли?

Колхаун подумал, что допустил какую-то ошибку в своей фразе или же не справился с произношением, и поэтому воздержался от ответа.

– Мы американцы, сэр, – ответил Пойндекстер с чувством уязвленной национальной гордости. Затем, как бы боясь обидеть человека, от которого ждал помощи, добавил: – Да, сэр, мы все американцы, из Южных штатов.

– Это легко определить по вашим спутникам, – сказал всадник с едва уловимой презрительной усмешкой, взглянув в сторону негров-невольников. – Нетрудно заметить также, что вы впервые путешествуете по прерии. Вы сбились с дороги?

– Да, сэр, и у нас нет никакой надежды найти ее, если только вы не будете так добры и не поможете нам.

– Стоит ли говорить о таких пустяках! Совершенно случайно я заметил ваши следы, когда ехал по прерии. Поняв, что вы заблудились, я прискакал сюда, чтобы помочь вам.

– Это очень любезно с вашей стороны. Мы вам признательны, сэр. Меня зовут Пойндекстер – Вудли Пойндекстер из Луизианы. Я купил усадьбу на берегу Леоны, вблизи форта Индж. Мы надеялись добраться туда засветло. Как вы думаете, мы успеем?

– Разумеется. Если только будете следовать моим указаниям.

Сказав это, незнакомец отъехал на некоторое расстояние. Казалось, он изучает местность, стараясь определить, в каком направлении должны двигаться путешественники.

Застывшие на вершине холма лошадь и всадник представляли собой картину, достойную описания.

Породистый гнедой конь – даже арабскому шейху не стыдно было бы сесть на такого коня! – широкогрудый, на стройных, как тростник, ногах, с могучим крупом и великолепным густым хвостом. А на спине у него всадник – молодой человек лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, с правильными чертами лица, одетый в живописный костюм мексиканского ранчеро⁶: на нем бархатная куртка, брюки со шнуровкой по бокам, сапоги из шкуры бизона с тяжелыми шпорами; ярко-красный шелковый шарф опоясывает талию; на голове черная глянцева шляпа, отделанная золотым позументом. Вообразите такого всадника, сидящего в глубоком седле мавританского стиля и мексиканской работы, с кожаным, украшенным тисненными узорами чепраком, похожим на те, которыми покрывали своих коней конкистадоры. Представьте себе такого кабальеро – и пред вашим взором будет тот, на кого смотрели плантатор и его спутники.

А из-за занавесок кареты на всадника смотрели глаза, выдававшие совсем особое чувство. Первый раз в жизни Луиза Пойндекстер увидела человека, который, казалось, был реаль-

⁶ Ранчеро – скотовод.

ным воплощением героя ее девичьих грез. Незнакомец был бы польщен, если бы узнал, какое волнение он вызвал в груди молодой креолки.

Но как мог он это знать? Он даже не подозревал о ее существовании. Его взгляд лишь скользнул по запыленной карете, – так смотришь на невзрачную раковину, не подозревая, что внутри нее скрывается драгоценная жемчужина.

– Клянусь честью! – сказал всадник, обернувшись к владельцу фургонов. – Я не могу найти никаких примет, которые помогли бы вам добраться до места. Но дорогу туда я знаю. Вам придется переправиться через Леону в пяти милях ниже форта, а так как я и сам направляюсь к этому броду, то вы можете ехать по следам моей лошади. До свиданья, господа!

Распрощавшись так внезапно, незнакомец прищипил коня и поскакал галопом.

Этот неожиданный отъезд показался плантатору и его спутникам весьма невежливым. Но они не успели ничего сказать, как увидели, что незнакомец возвращается. Не прошло и десяти секунд, как всадник снова был с ними. Все недоумевали, что заставило его вернуться.

– Боюсь, что следы моей лошади вам мало помогут. После пожара здесь успели побывать мустанги. Они оставили тысячи отпечатков своих копыт. Правда, моя лошадь подкована, но ведь вы не привыкли различать следы, и вам будет трудно разобраться, тем более что на сухой золе все лошадиные следы почти одинаковы.

– Что же нам делать? – спросил плантатор с отчаянием в голосе.

– Мне очень жаль, мистер Пойндекстер, но я не могу сопровождать вас. Я должен срочно доставить в форт важное донесение. Если вы потеряете мой след, держитесь так, чтобы солнце было у вас справа, а ваши тени падали налево, под углом около пятнадцати градусов к линии движения. Миль пять двигайтесь прямо вперед. Затем вы увидите верхушку высокого дерева – кипариса. Вы узнаете его по красному цвету. Направляйтесь прямо к этому дереву. Оно стоит на самом берегу реки, недалеко от брода.

Молодой всадник уже натянул поводья и готов был снова ускакать, но что-то заставило его сдержать коня. Он увидел темные блестящие глаза, глядевшие из-за занавесок кареты, – в первый раз он увидел эти глаза.

Обладательница их скрылась в тени, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть лицо необычайной красоты. Кроме того, он заметил, что прекрасные глаза устремлены в его сторону и что они смотрят на него взволнованно, почти нежно.

Невольно он ответил восхищенным взглядом, но, испугавшись, как бы это не сочли дерзостью, круто повернул коня и снова обратился к плантатору, который только что поблагодарил его за любезность.

– Я не заслуживаю благодарности, – сказал незнакомец, – так как оставляю вас на произвол судьбы, но, к несчастью, я не располагаю свободным временем.

Он посмотрел на часы, как будто сожалея, что ему придется ехать одному.

– Вы очень добры, сэр, – сказал Пойндекстер. – Я надеюсь, что, следуя вашим советам, мы не собьемся с пути. Солнце нам поможет.

– Боюсь, как бы не изменилась погода. На севере собираются тучи. Через час они могут заслонить солнце... во всяком случае, это произойдет раньше, чем вы достигнете места, откуда виден кипарис... Я не могу вас так оставить... Впрочем, – сказал он после минуты размышления, – я придумал: держитесь следа моего лассо!

Незнакомец снял с седельной луки свернутую веревку и, прикрепив один конец к кольцу на седле, бросил другой на землю. Затем, изящным движением приподняв шляпу, он вежливо поклонился – почти в сторону кареты, – прищипил лошадь и снова поскакал по прерии.

Лассо, вытянувшись позади лошади ярдов на двенадцать, оставило на испепеленной поверхности прерии полосу, похожую на след проползшей змеи.

– Удивительно странный молодой человек! – сказал плантатор, глядя вслед всаднику, скрывшемуся в облаке черной пыли. – Мне следовало бы спросить его имя.

– Удивительно самодовольный молодой человек, я бы сказал, – пробормотал Колхаун, от которого не ускользнул взгляд, брошенный незнакомцем в сторону кареты, так же как и ответный взгляд кузины. – Что касается его имени, то о нем, пожалуй, и не стоило спрашивать. Наверняка он назвал бы вымышленное. Техас переполнен такими франтами, которые, попав сюда, обзаводятся новыми именами, более благозвучными, или же меняют их по каким-нибудь другим причинам.

– Послушай, Кассий, – возразил молодой Пойндекстер, – ты к нему несправедлив. Он, по-моему, человек образованный, джентльмен, вполне достойный носить самое знатное имя.

– «Джентльмен»! Черт возьми, вряд ли! Я никогда не встречал джентльмена, который рядился бы в мексиканские тряпки. Бьюсь об заклад, что это просто какой-нибудь проходимец.

Во время этого разговора прекрасная креолка выглянула из кареты и с нескрываемым интересом провожала глазами удалявшегося всадника. Не этим ли следует объяснить язвительный тон Колхауна?

– В чем дело, Лу? – спросил он почти шепотом, подъезжая вплотную к карете. – Ты, кажется, очень торопишься? Может быть, ты хочешь догнать этого наглеца? Еще не поздно – я дам тебе свою лошадь.

Девушка откинулась назад, очевидно недовольная не только словами, но и тоном кузена. Но она не показала виду, что рассердилась, и не стала спорить – она выразила свое недовольство гораздо более обидным образом. Звонкий смех был единственным ответом, которым она удостоила кузена.

– Ах так... Глядя на тебя, я так и подумал, что тут что-то нечисто. У тебя был такой вид, словно ты очарована этим щеголеватым курьером. Он пленил тебя, вероятно, своим пышным нарядом? Но знай, что это всего лишь ворона в павлиньих перьях, и мне, верно, еще придется содрать их с него и, быть может, с куском его собственной кожи.

– Как тебе не стыдно, Кассий! Подумай, что ты говоришь!

– Это тебе надо подумать о том, как ты себя ведешь, Лу. Удостоить своим вниманием какого-то бродягу, ряженого шута! Я не сомневаюсь, что он простой почтальон, нанятый офицерами форта.

– Почтальон, ты думаешь? О, как бы я хотела получать любовные письма из рук такого письмоносца!

– Тогда поспеши и скажи ему об этом. Моя лошадь к твоим услугам.

– Ха-ха-ха! Как же ты несообразителен! Если бы я даже и захотела, шутки ради, догнать этого почтальона прерии, то на твоей ленивой кляче мне это вряд ли удалось бы. Он так быстро мчится на своем гнедом, что, конечно, они оба исчезнут из виду, прежде чем ты успеешь переменить для меня седло. О нет! Мне его не догнать, как бы мне этого ни хотелось.

– Смотри, чтобы отец не услышал тебя!

– Смотри, чтобы он тебя не услышал, – ответила девушка, заговорив теперь уже серьезным тоном. – Хотя ты мой двоюродный брат и отец считает тебя верхом совершенства, я этого не считаю, о нет! Я никогда не скрывала этого от тебя – не так ли?

Колхаун только нахмурился в ответ на это горькое для него признание.

– Ты мой двоюродный брат – и только, – продолжала девушка строгим голосом, резко отличавшимся от того шутливого тона, которым она начала беседу. – Для меня ты больше никто, капитан Кассий Колхаун! И не пытайся, пожалуйста, быть моим советчиком. Только с одним человеком я считаю своим долгом советоваться, и только ему я позволю упрекать себя. А поэтому прошу тебя, мастер⁷ Каш, воздержаться от подобных нравоучений. Я никому не стану давать отчет в своих мыслях, так же как и в поступках, до тех пор, пока не встречу достойного человека. Но не тебе быть моим избранником!

⁷ Мастер – обращение к мальчику из богатой семьи; негры-невольники произносили «масса» и называли так хозяев.

Закончив свою отповедь, девушка снова откинулась на подушки, смерив капитана взглядом, полным негодования и презрения. Потом она задернула занавески кареты, давая этим понять, что больше не желает с ним разговаривать.

Крики возниц вывели капитана из оцепенения. Фургоны снова двинулись в путь по мрачной прерии, которая едва ли была мрачнее мыслей Кассия Колхауна.

Глава III

Путеводная стрелка

Путешественники больше не беспокоились о дороге: след лассо тянулся непрерывной змейкой и был так отчетливо виден, что даже ребенок не сбился бы с пути.

Он не шел по прямой, а извивался между зарослями кустарников. Порой, когда путь лежал по местности, где не было деревьев, он отклонялся в сторону. Делалось это не случайно: в таких местах были глубокие овраги и другие препятствия – змейка следа огибала их, показывая дорогу фургонам.

– Как это предусмотрительно со стороны молодого человека! – сказал Пойндекстер. – Право, я очень жалею, что мы не узнали его имени. Если он служит в форту, мы еще встретимся с ним.

– Без сомнения! – воскликнул Генри. – И я буду этому очень рад.

Луиза сидела, откинувшись на спинку сиденья, – она слышала разговор между отцом и братом, но ничего не сказала, только в ее взгляде можно было прочесть, что она всем сердцем разделяет надежду брата.

Радуюсь скорому окончанию трудного путешествия, а также возможности до захода солнца увидеть свои новые владения, плантатор был в прекрасном настроении. Этот гордый аристократ вдруг удостоил своим снисходительным вниманием всех окружающих: непринужденно болтал с надсмотрщиком, остановился пошутить с дядюшкой Сципионом, едва ковылявшим на покрытых волдырями ногах, подбодрил тетушку Хлою, которая ехала с младенцем на руках.

«Чудесно! – может воскликнуть посторонний наблюдатель, введенный в заблуждение такой необычайной сценой, столь старательно изображаемой писателями, подкупленными самим Сатаной. – В конце концов, как прекрасны патриархальные нравы рабовладельцев! И это после всего, что мы говорили и делали для уничтожения рабства! Попытка разрушить это древнее здание – достойный краеугольный камень рыцарственной нации – лишь филантропическая блажь, излишняя чувствительность. О вы, фанатики, стремящиеся к уничтожению рабства! Почему вы восстаете против него? Разве вы не знаете, что одни должны страдать, должны работать и голодать, чтобы другие наслаждались роскошью и бездельем? Разве вы не знаете, что одни должны быть рабами, чтобы другие были свободными?»

Эти речи, несущие страдания миллионам, за последнее время раздаются слишком часто. Горе человеку, который произносит их, и нации, которая их слушает!

* * *

Хорошее настроение плантатора, казалось, разделяли все его спутники, за исключением Колхауна. Оно отражалось на лицах невольников, которые считали Пойндекстера источником своего счастья или несчастья – всемогущим, почти как бог.

Они любили его меньше, чем бога, но боялись больше, хотя его нельзя было назвать плохим хозяином – по сравнению с другими рабовладельцами. Он не находил особого удовольствия в истязании своих рабов и был доволен, когда видел, что они сыты и одеты, что кожа их лоснится от жира. Ведь по этим признакам судили о благосостоянии его самого – их господина. Он иногда учил их плетью – уверяя, что это оказывает на них благотворное действие, – однако на коже его невольников не было ни одного рубца от жестоких истязаний, а этим мог похвастаться далеко не всякий рабовладелец штата Миссисипи.

Стоит ли удивляться, что в обществе такого «примерного» хозяина все были в хорошем настроении и даже невольники, заразившись общей радостью, принялись весело болтать!

Однако благодушное настроение длилось недолго. Оно было прервано не внезапно и не по вине тех, кто его разделял: причиной были обстоятельства, которые от них не зависели.

Как и предсказал незнакомец, солнце скрылось раньше, чем показался кипарис.

Но это не должно было бы вызвать беспокойства: след лассо был по-прежнему хорошо виден, и ориентироваться по солнцу не было необходимости. Однако тучи, затянувшие небо, угнетающе действовали на путников.

– Можно подумать, что уже наступили вечерние сумерки, – сказал плантатор, вынимая свои золотые часы, – а между тем всего лишь три часа. Наше счастье, что этот молодой человек помог нам. Если бы не он, мы до заката проплутали бы по этой выжженной прерии. Пожалуй, пришлось бы заночевать прямо на пепле...

– Ну и черная была бы постель! – шутливо отозвался Генри, чтобы придать разговору более веселый характер. – Ух и страшные бы я видел сны, если бы пришлось так спать!

– И я тоже, – добавила сестра, выглядывая из-за занавесок и всматриваясь в даль. – Я уверена, что мне приснились бы Плутон⁸ и Прозерпина⁹ в аду.

– Хи-хи-хи! – осклабилась черная кучер, числившийся в книгах плантаций как Плутон Пойндекстер. – Мисса Луи увидит меня во сне на этой черной прерии! Вот чудно так чудно! Хи-хи-хи!

– Слишком рано вы начали смеяться, – раздался мрачный голос капитана, подъехавшего во время этого разговора. – Смотрите, как бы вам и в самом деле не пришлось ночевать в этой черной прерии! Хорошо, если не случится еще чего-нибудь похуже.

– Что ты хочешь этим сказать, Каш? – спросил плантатор.

– Я хочу сказать, дядя, что этот молодчик обманул нас. Я не могу еще этого утверждать, но похоже, что дело скверно. Мы проехали уже больше пяти миль... около шести, должно быть, а где же кипарис, о котором он говорил? Кажется, у меня зрение не хуже, чем у других, но, как я ни всматривался в даль, я не обнаружил никакого дерева.

– Но зачем же ему обманывать нас?

– Ах, «зачем»! В том-то и дело, что у него может быть для этого немало причин.

– Назови нам хотя бы одну из них, – раздался серебристый голос из кареты, – мы с интересом послушаем.

– Еще бы: ты будешь слушать с особым интересом все, что касается этого субъекта, – иронически ответил Колхаун, – а если я выскажу свои соображения, ты со свойственной тебе снисходительностью назовешь это ложной тревогой!

– Это будет зависеть от того, что ты скажешь, мастер Кассий. Мне кажется, что тебе следует испытать нас. Не можем же мы думать, что ты, военный и такой опытный путешественник, поддался ложной тревоге!

Колхаун понял злую насмешку и, вероятно, воздержался бы от дальнейших объяснений, если бы на этом не настоял Пойндекстер.

– Послушай, Кассий, объясни же, в чем дело? – серьезно спросил плантатор. – То, что ты нам сказал, вызывает больше чем простое любопытство. Какую цель мог преследовать этот молодой человек, давая нам ложные указания?

– Ну что же, дядя... – сказал Колхаун не столь заносчиво, как раньше, – я ведь не утверждаю этого, я только высказываю свое предположение.

– Какое же?

⁸ Плутон – в древнегреческой мифологии бог ада.

⁹ Прозерпина – богиня ада.

– Ну, мало ли что может случиться! В этих прериях нередко нападают на караваны – и не только на такие, как наш, но и на караваны посильнее нашего, – грабят и убивают.

– Упаси боже! – с притворным испугом воскликнула Луиза.

– Индейцы? – сказал Пойндекстер.

– Иногда бывает, что и индейцы, но часто за индейцев выдают себя белые, и не только мексиканцы. Для этого нужно лишь немного коричневой краски, парик из лошадиного хвоста, несколько перьев для головного убора и побольше наглости. Если нас ограбит банда «белых индейцев» – а это не раз случалось, – то винить нам будет некого, кроме самих себя: мы будем лишь наказаны за наивную доверчивость к первому встречному.

– Боже мой, Кассий! Ведь это серьезное обвинение. Неужели ты хочешь сказать, что этот курьер – если он действительно курьер – заманивает нас в западню?

– Нет, дядя, я этого не говорю. Я только говорю, что такие вещи бывали; возможно, он нас и заманивает...

– Возможно, но маловероятно, – раздался из кареты голос, полный язвительной насмешки.

– Нет, – воскликнул Генри, который хотя и ехал немного впереди, но слышал весь разговор, – твои подозрения несправедливы, Кассий! Это клевета. И я могу это тебе доказать. Посмотри-ка сюда.

Юноша сдержал лошадь, указывая на предмет у края тропы, который он перед этим внимательно рассматривал. Это был колоннообразный кактус; его зеленый сочный ствол уцелел от огня.

Но Генри Пойндекстер обращал внимание своих спутников не на само растение, а на небольшую белую карточку, наколотую на один из его шипов. Тот, кто знаком с обычаями цивилизованного общества, сразу узнал бы, что это визитная карточка.

– Посмотрим, что там написано, – сказал юноша, подъезжая ближе; он прочитал вслух: – «Кипарис виден».

– Где? – спросил Пойндекстер.

– Здесь нарисована рука, – ответил Генри. – Нет сомнения, что палец указывает на кипарис.

Все стали смотреть в направлении, обозначенном на карточке.

Если бы светило солнце, кипарис можно было бы увидеть с первого же взгляда. Но еще недавно синее, небо теперь стало свинцово-серым, и, сколько путешественники ни напрягали зрение, на горизонте нельзя было разглядеть ничего, напоминающего верхушку дерева.

– Ничего там нет, – уверенным тоном заявил Колхаун. – Я убежден, что это лишь новая хитрость этого бродяги.

– Ты ошибаешься, – ответил голос, который так часто противоречил Кассию. – Посмотри в бинокль. Если тебе не изменило твое превосходное зрение, ты увидишь на горизонте что-то очень похожее на дерево, на высокое дерево – наверно, это кипарис. Ведь я никогда не видела кипариса на болотах Луизианы.

Колхаун не захотел взять бинокль из рук кузины – он знал, что Луиза говорит правду, и ему не надо было лишних доказательств.

Тогда Пойндекстер взял бинокль, наладил его по своим близоруким глазам и отчетливо увидел кипарис, возвышавшийся над прерией.

– Правильно, – сказал он, – кипарис виден. Незнакомец оказался честным человеком. Ты был к нему несправедлив, Каш. Мне не верилось, чтобы он мог сыграть над нами такую злую шутку... Слушайте, мистер Сансом! Отдайте распоряжение возницам – надо двигаться дальше.

Колхаун злобно пришпорил лошадь и поскакал по прерии; ему больше не хотелось ни разговаривать, ни оставаться в обществе своих спутников.

– Дай мне посмотреть на эту карточку, Генри, – тихо сказала Луиза. – Мне хочется увидеть стрелку, которая так помогла нам. Сними ее оттуда – незачем оставлять ее на кактусе, раз мы увидели дерево.

Генри исполнил просьбу сестры, ни на минуту не задумавшись над ее тайным смыслом.

Он снял карточку с кактуса и бросил ее на колени Луизе.

– Морис Джеральд! – прошептала креолка, увидя на обратной стороне имя. – Морис Джеральд! – повторила она взволнованно, пряча карточку на груди. – Кто бы ты ни был, откуда бы ты ни пришел, куда бы ни лежал твой путь и кем бы ты ни стал, с этих пор у нас одна судьба! Я чувствую это – я знаю это так же ясно, как вижу небо над собой! О, какое грозное небо! Не будет ли такой же моя неизвестная судьба?

Глава IV

Черный норд

Словно зачарованная сидела Луиза во власти своих грез. Она сжимала виски тонкими пальцами, и, казалось, все силы ее души были устремлены на то, чтобы понять прошлое и проникнуть в будущее.

Однако ее мечты скоро были прерваны. Она услышала возгласы, в которых слышалась тревога.

Луиза узнала обеспокоенный голос брата:

– Посмотри, отец! Разве ты их не видишь?

– Где, Генри, где?

– Там, позади фургонов... Теперь ты видишь?

– Да, я что-то вижу, но я не могу понять, что это такое. Они выглядят как... – Пойндекстер на минуту остановился озадаченный. – Я, право, не понимаю, что это такое...

– Водяные смерчи? – подсказал Колхаун, который, увидев странное явление, снизошел до того, чтобы присоединиться к компании, собравшейся около кареты. – Но этого не может быть – мы слишком далеко от моря. Я никогда не слыхал, чтобы они появлялись в прерии.

– Что бы это ни было, но они движутся, – сказал Генри. – Смотрите! Они приближаются друг к другу и снова расходятся. Если бы не это, можно было бы принять их за огромные обелиски из черного мрамора.

– Великаны или черти! – смеясь, заметил Колхаун. – Сказочные чудовища, которым вздумалось прогуляться по этой жуткой прерии.

Капитан в отставке с трудом заставлял себя шутить. Как и всех остальных, его угнетало тяжелое предчувствие.

И неудивительно.

С северной стороны над прерией внезапно появилось несколько совершенно черных колонн – их было около десяти. Ничего подобного никто из путешественников никогда раньше не видел. Эти огромные столбы то стояли неподвижно, то скользили по обугленной земле, как великаны на коньках, изгибаясь и наклоняясь друг к другу, словно в фантастических фигурах какого-то странного танца. Представьте себе легендарных титанов, которые ожили на прерии Техаса и плясали в неистовой вакханалии.

Было вполне естественно, что путешественников охватила тревога, когда они заметили это невиданное явление, никому из них не известное. Все были уверены, что надвигается стихийное бедствие.

При первом же появлении этих загадочных фигур обоз остановился; негры-пешеходы, так же как и возницы, вскрикнули от ужаса; лошади заржали, дрожа от страха; мулы пронзительно заревели.

Со стороны черных башен доносился какой-то гул, похожий на шум водопада, по временам прерывавшийся треском как бы ружейного выстрела или раскатом отдаленного грома.

Шум нарастал, становился более отчетливым. Неведомая опасность приближалась.

Путешественники остоленели от ужаса, и Колхаун не составил исключения – он уже больше не пытался шутить. Все взоры обратились на свинцовые тучи, заволакивающие небо, и на черные громады, которые приближались, казалось, для того, чтобы раздавить путников.

В эту гнетущую минуту вдруг раздался крик с противоположной стороны, и, хотя в нем слышалась тревога, он все же нес успокоение.

Обернувшись, путники увидели всадника, мчащегося к ним во весь опор.

Лошадь была черная, как сажа, такого же цвета был и всадник, не исключая лица. Но, несмотря на это, его узнали: это был тот самый незнакомец, по следу которого они ехали.

Девушка в карете первая узнала его.

– Вперед! – воскликнул незнакомец, приблизившись к каравану. – Вперед, вперед! Как можно скорее...

– Что это такое? – растерянно спросил плантатор, охваченный страхом. – Нам грозит опасность?

– Да. Я не ждал этого, когда оставил вас. Только достигнув реки, я увидел грозные признаки.

– Чего, сэр?

– Норда.

– Вы так называете бурю?

– Да.

– Я никогда не слышал, что норд может быть опасен – разве только кораблям на море, – вмешался Колхаун. – Я, конечно, знаю, что он несет с собою пронизывающий холод, но...

– Не только холод, сэр. Он принесет кое-что похуже, если вы не поспешите укрыться от него... Мистер Пойндекстер, – обратился всадник к плантатору нетерпеливо и настойчиво, – вы и все ваши люди в опасности. Норд не всегда бывает страшен, но этот... Взгляните! Вы видите эти черные смерчи?

– Мы смотрим на них и не можем понять, что это такое...

– Это вестники бури, и сами по себе они не опасны. Но посмотрите вон туда... Видите ли вы эту черную тучу, заволакивающую небо?.. Вот чего вам надо бояться! Я не хочу пугать вас, но должен сказать, что она несет с собой смерть. Она движется сюда. Спасение только в быстроте. Поторопитесь, а то будет поздно. Через десять минут она будет здесь – и тогда... Скорее, сэр, умоляю вас! Прикажите вашим возницам погонять изо всех сил. Само небо велит вам!

Подчиняясь этим настойчивым требованиям, плантатор отдал распоряжение двигаться и гнать обоз с предельной скоростью.

Ужас, который обуял как животных, так и возниц, сделал излишним вмешательство кнутов.

Карета и всадники по-прежнему ехали впереди. Незнакомец держался позади, как бы охраняя караван.

Время от времени он натягивал поводья, оглядывался и каждый раз проявлял все большую тревогу.

Заметив это, плантатор подъехал к нему и спросил:

– Опасность еще не миновала?

– К сожалению, не могу вам сказать ничего утешительного. Я рассчитывал, что ветер переменит направление.

– Ветер? Я не замечаю никакого ветра.

– Не здесь. Вон там страшный ураган, и он несется прямо к нам... Боже мой, он приближается с невероятной быстротой! Вряд ли мы успеем пересечь выжженную прерию...

– Что же делать? – воскликнул плантатор в ужасе.

– Нельзя ли заставить ваших мулов бежать еще быстрее?

– Нет, они и так уже выбиваются из сил.

– В таком случае я боюсь, что ураган настигнет нас...

Высказав это мрачное предположение, всадник обернулся еще раз и посмотрел на черные смерчи, как бы определяя скорость их движения.

Складки, которые обозначились вокруг его рта, выдали что-то более серьезное, чем недовольство.

– Да, уже поздно! – воскликнул он, вдруг прервав свои наблюдения. – Они движутся быстрее нас, гораздо быстрее... Нет надежды уйти от них!

– Боже мой, сэр! Разве опасность так велика? Неужели мы не можем ничего сделать, чтобы избежать ее? – спросил плантатор.

Незнакомец ответил не сразу. Несколько мгновений он молчал, как будто о чем-то напряженно думая, – он уже больше не смотрел на небо, взгляд его блуждал по фургонам.

– Неужели же нет никакой надежды? – повторил плантатор.

– Нет есть! – радостно ответил всадник; казалось, какая-то счастливая мысль озарила его. – Надежда есть. Я не подумал об этом раньше. Нам не удастся уйти от бури, но избежать опасности мы можем. Быстрее, мистер Пойндекстер! Отдайте распоряжение вашим людям окутать головы лошадей и мулов, иначе животные будут ослеплены и взбесятся. Одеяла, платки – все годится. Когда это будет сделано, пусть все забираются в фургоны. Нужно только, чтобы навесы были плотно закрыты со всех сторон. О карете я позабочусь сам.

Сделав эти указания, всадник поскакал вперед, в то время как Пойндекстер с надсмотрщиком отдавали необходимые распоряжения возницам.

– Сударыня, – подъезжая к карете, сказал всадник со всей любезностью, какую позволяли обстоятельства, – вы должны задернуть все занавески. Ваш кучер пусть войдет в карету... И вы также, господа, – сказал он, обращаясь к Генри, Колхауну и только что подъехавшему Пойндекстеру. – Места всем хватит. Только скорее, умоляю вас! Не теряйте времени. Через несколько минут буря разразится над нами.

– А вы, сэр? – с искренней озабоченностью спросил плантатор человека, который столько сделал, чтобы избавить их от грозящей беды. – Как же вы?

– Обо мне не беспокойтесь: я знаю, что надвигается. Не впервые я встречаюсь с этим... Прячьтесь, прячьтесь, умоляю вас! Нельзя терять ни секунды. Вы слышите завывание? Скорее, пока на нас не налетела пылевая туча!

Плантатор и Генри быстро соскочили с лошадей и вошли в карету. Колхаун упрямо продолжал сидеть в седле. Почему он должен бояться какой-то воображаемой опасности, от которой не прячется этот человек в мексиканском костюме?

Незнакомец велел надсмотрщику залезть в ближайший фургон, чему тот беспрекословно повиновался. Теперь можно было подумать и о себе.

Молодой человек быстро развернул свое серапе – оно было прикреплено к седлу, – набросил его на голову лошади, обмотал концы вокруг ее шеи и завязал узлом. С наименьшей ловкостью он развязал свой шарф из китайского шелка и обтянул его вокруг шляпы, заткнув один конец за ленту, а другой спустив вниз, – таким образом получилось нечто вроде шелкового забрала.

Прежде чем совсем закрыть лицо, он еще раз обернулся к карете и, к своему удивлению, увидел, что Колхаун все еще сидит верхом на лошади. Поборов в себе невольную антипатию к этому человеку, незнакомец настойчиво сказал:

– Спрячьтесь же, сэр, умоляю вас! Иначе через десять минут вас не будет в живых.

Колхаун повиновался: признаки надвигающейся бури были слишком очевидны; с показной медлительностью он слез с седла и забрался в карету, под защиту плотно задернутых занавесок.

То, что произошло дальше, с трудом поддается описанию. Никто не видел зрелища разыгравшейся стихии, так как никто не смел взглянуть на него. Но, если бы кто-нибудь и осмелился, он все равно ничего не увидел бы. Через пять минут после того, как были обвязаны головы мулов, караван окутала кромешная тьма.

Путешественники видели лишь самое начало урагана. Один из надвигавшихся смерчей, натолкнувшись на фургон, рассыпался густой черной пылью, будто с неба пошел пороховой дождь. Но это было лишь начало.

Ненадолго показался просвет, и путников обдало горячим воздухом, словно из жерла печи. Затем со свистом и воем подул порывистый ветер, неся леденящий холод; завывания его были так оглушительны, что, казалось, все трубы Эола¹⁰ возвещают о появлении Короля Бурь.

Через мгновение норд настиг караван, и путешественники, остановившиеся на субтропической равнине, попали в мороз, подобный тому, который сковывает ледяные горы на Ледовитом океане.

Все окутал мрак, ничего не было слышно, кроме свиста ветра и его глухого рева, когда он налетал на навесы фургонов.

Мулы, инстинктивно повернувшись к нему задом, стояли притихшие. Голоса людей, взволнованно разговаривавших в карете и фургонах, заглушались воем урагана.

Все щели были закрыты, потому что стоило только высунуться из-за полотняного навеса, как можно было задохнуться. Воздух был весь насыщен пеплом, поднятым бушующим ветром с выжженной прерии и превращенным в мельчайшую смертоносную пыль.

Больше часа носились в воздухе черные облака пепла; все это время путешественники просидели, не смея выглянуть наружу.

Наконец около самых занавесок кареты раздался голос незнакомца.

– Теперь можно выйти, – сказал он, отбрасывая шелковый шарф со своего лица. – Буря не прекратилась, она будет длиться до конца вашего путешествия и еще дня три. Но бояться больше нечего. Пепел весь сметен. Он пронесся вперед, и вряд ли вы настигнете его по эту сторону Рио-Гранде.

– Сэр, – сказал плантатор, поспешно спускаясь по ступенькам кареты, – мы вам обязаны...

– ...жизнью! – воскликнул Генри, найдя нужное слово. – Я надеюсь, сэр, что вы окажете нам честь назвать свое имя.

– Морис Джеральд, – ответил незнакомец. – Хотя в форту меня обычно называют Морисом-мустангером¹¹.

– Мустангер! – презрительно пробормотал Колхаун, но настолько тихо, что услышать его могла только Луиза.

«Всего лишь мустангер», – разочарованно подумал про себя аристократ Пойндекстер.

– Теперь я вам больше не нужен. Дорогу вы найдете без меня и моего лассо, – сказал охотник за дикими лошадьми. – Кипарис виден, держите прямо на него. Перейдя реку, вы увидите флаг, развевающийся над фортом. Вы успеете закончить путешествие до наступления темноты. Я же спешу и должен распрощаться с вами.

Если мы вообразим себе сатану верхом на адском коне, то довольно точно представим себе Мориса-мустангера, когда он во второй раз покидал плантатора и его спутников.

Однако ни запачканное пеплом лицо, ни скромная профессия не могли уронить мустангера в глазах Луизы Пойндекстер – он уже завоевал ее сердце.

Когда Луиза услышала его имя, она прижала карточку к груди и в задумчивости прошептала так тихо, что никто, кроме нее самой, не мог услышать:

– Морис-мустангер, ты покоришь сердце креолки! Боже мой, боже мой! Он слишком похож на Люцифера¹², могу ли я презирать его!

¹⁰ Эол – в греческой мифологии бог ветра.

¹¹ Мустангер – охотник за дикими лошадьми, мустангами.

¹² Люцифер – по преданию, архангел, восставший против Бога и низвергнутый в ад.

Глава V

Жилище охотника за мустангами

Там, где Рио-де-Нуэсес (Ореховая река) собирает свои воды из сотни речек и ручейков, испещряющих карту, словно ветви большого дерева, лежат удивительно живописные места. Это холмистая прерия, по которой разбросаны дубовые и ореховые рощи, то здесь, то там вдоль берегов сливающиеся в сплошные зеленые массивы леса.

Местами этот лес сменяется густыми зарослями, где среди всевозможных видов акации растет копайский бальзам, креозотовый кустарник, дикое алоэ; там же встречаются экзотическое растение цереус, всевозможные кактусы и древовидная юкка.

Эти колючие растения не радуют земледельца, потому что они обычно растут на тощей земле; зато для ботаника и любителя природы здесь много привлекательного – особенно когда цереус раскрывает свои огромные, словно восковые, цветы или же фукиера, высоко поднявшись над кустарником, выбрасывает, словно развернутый флаг, свое великолепное алое соцветие.

Но есть там и плодородные места, где на известково-черноземной почве растут высокие деревья с пышной листвой: индейское мыльное дерево, гикори¹³, вязы, дубы нескольких видов, кое-где встречаются кипарисы и тополя; этот лес переливается всеми оттенками зелени, и его по справедливости можно назвать прекрасным.

Ручьи в этих местах кристально чисты – они отражают сапфировую синеву неба. Облака почти никогда не заслоняют солнце, луну и звезды. Здесь не знают болезней – ни одна эпидемия не проникла в эти благословенные места.

Но цивилизованный человек еще не поселился здесь, и по-прежнему лишь одни краснокожие команчи¹⁴ пробираются по запутанным лесным тропам, и то лишь когда верхом на лошадях они отправляются в набег на поселения Нижней Нуэсес, или Леоны. Неудивительно, что дикие звери избрали эти глухие места своим пристанищем. Нигде во всем Техасе вы не встретите столько оленей и пугливых антилоп, как здесь. Кролики все время мелькают перед вами; немного реже попадаются на глаза дикие свиньи, хорьки, суслики.

Красивые пестрые птицы оживляют ландшафт. Перепела, шурша крыльями, взвиваются к небу; королевский гриф парит в воздухе; дикий индюк огромных размеров греет на солнце свою блестящую грудь у опушки ореховой рощи; а среди перистых акаций мелькает длинный, похожий на ножницы, хвост птицы-портнихи, которую местные охотники называют «райской птицей».

Великолепные бабочки то порхают в воздухе, широко расправив крылья, то отдыхают на цветке и тогда кажутся его лепестками. Огромные бархатистые пчелы жужжат среди цветущих кустарников, оспаривая право на сладкий сок у колибри, которым они почти не уступают в величине.

Однако не все обитатели этих прекрасных мест безвредны. Нигде во всей Северной Америке гремучая змея не достигает таких размеров, как здесь; она прячется среди густой травы вместе с еще более опасной мокасиновой змеей. Здесь жалят ядовитые тарантулы, кусают скорпионы; а многоножке достаточно проползти по коже, чтобы вызвать лихорадку, которая может привести к роковому концу.

По лесистым берегам рек бродят пятнистый оцелот, пума¹⁵ и их могучий родич – ягуар; именно здесь проходит северная граница его распространения.

¹³ Гикори – американское ореховое дерево.

¹⁴ Команчи – индейское племя.

¹⁵ Оцелот и пума (кугуар) – хищники из семейства кошачьих.

По опушкам лесных зарослей скрывается тощий техасский волк, одинокий и молчаливый, а его сородич, трусливый койот, рыщет на открытой равнине с целой стаей своих собратьев.

В этой же прерии, где рыскают такие свирепые хищники, на ее сочных пастбищах пасется самое благородное и прекрасное из всех животных, самый умный из всех четвероногих друзей человека – лошадь.

Здесь живет она, дикая и свободная, не знающая капризов человека, незнакомая с уздой и удилами, с седлом и выюком.

Но даже в этих заповедных местах ее не оставляют в покое. Человек охотится за ней и укрощает ее. Здесь была поймана и приручена прекрасная дикая лошадь. Она попала в руки молодому охотнику за лошадьми Морису-мустангеру.

* * *

На берегу Аламо, кристально чистого притока Рио-де-Нуэсес, стояло скромное, но живописное жилище, одно из тех, каких много в Техасе.

Это была хижина, построенная из расщепленных пополам стволов древовидной юкки, вбитых стоймя в землю, с крышей из штыковидных листьев этой же гигантской лилии.

Щели между жердями, вопреки обычаям западного Техаса, были не замазаны глиной, а завешены с внутренней стороны хижины лошадиными шкурами, которые были прибиты не железными гвоздями, а шипами мексиканского столетника.

Окаймлявшие речную долину обрывы изобиловали растительностью, послужившей строительным материалом для хижины, – юккой, агавой и другими неприхотливыми растениями; а внизу плодородная долина на много миль была покрыта прекрасным лесом, где росли тутовые деревья, гикори и дубы. Лесная полоса, собственно, ограничивалась долиной реки; вершины деревьев едва достигали верхнего края обрыва.

В массив леса со стороны реки местами вдавались небольшие луга, или саванны, поросшие сочной травой, известной у мексиканцев под названием «грама».

На одной из таких полукруглых полянок – у самой реки – приютилось описанное нами незамысловатое жилище; стволы деревьев напоминали колонны, поддерживающие крышу лесного театра.

Хижина стояла в тени, спрятанная среди деревьев. Казалось, это укромное место было выбрано не случайно. Ее можно было видеть только со стороны реки, и то лишь в том случае, если встать прямо против нее. Примитивная простота постройки и поблекшие краски делали ее еще более незаметной.

Домик был величиной с большую палатку. Кроме двери, в нем не было других отверстий, если не считать трубы небольшого очага, сложенного у одной из стен. Деревянная рама двери была обтянута лошадиной шкурой и навешена при помощи петель, сделанных из такой же шкуры.

Позади хижины находился навес, подпертый шестью столбами и покрытый листьями юкки; он был обнесен небольшой изгородью из поперечных жердей, привязанных к стволам соседних деревьев.

Такой же изгородью был обнесен участок леса около акра величиной, расположенный между хижинкой и отвесным берегом реки. Земля там была изрыта и испещрена множеством отпечатков копыт и местами совершенно утоптана; нетрудно было догадаться, что это кораль – загон для диких лошадей-мустангов.

Действительно, внутри этого загона находилось около десятка лошадей. Их дикие, испуганные глаза и порывистые движения не оставляли сомнения в том, что они только недавно пойманы и что им нелегко переносить неволю.

Убранство хижины не лишено было некоторого уюта и комфорта. Стены украшал сплошной ковер из мягких блестящих шкур мустангов. Шкуры – черные, гnedые, пегие и белоснежные – радовали глаз: видно было, что их подобрал человек со вкусом.

Мебель была чрезвычайно проста: кровать – обтянутые лошадиной шкурой козлы, два самодельных табурета – уменьшенная разновидность того же образца, и простой стол, сколоченный из горбылей юкки, – вот и вся обстановка. В углу виднелось что-то вроде второй постели – она была сооружена из тех же неизбежных лошадиных шкур.

Совершенно неожиданными в этой скромной хижине были полка с книгами, перо, чернила, почтовая бумага и газеты на столе.

Здесь были еще другие вещи, не только напоминавшие о цивилизации, но говорившие даже об утонченном вкусе: прекрасный кожаный сундучок, двустольное ружье, серебряный кубок чеканной работы, охотничий рог и серебряный свисток.

На полу стояло несколько предметов кухонной утвари, преимущественно жестяных; в углу – большая бутылка в ивовой плетенке, содержащая, по-видимому, напиток, более крепкий, чем вода из Аламо.

Остальные вещи были здесь более уместны: мексиканское, с высокой лукой, седло, уздечка с оголовьем из плетеного конского волоса, такие же поводья, два или три серапе, несколько мотков сыромятного ремня.

Таково было жилище мустангера, таково было его внутреннее устройство и все, что в нем находилось, – за исключением двух его обитателей.

На одном из табуретов посреди комнаты сидел человек, который никак не мог быть самим мустангером. Он совсем не был похож на хозяина. Наоборот, по всей его внешности – по выражению привычной покорности – можно было безошибочно сказать, что это слуга.

Однако он вовсе не был плохо одет и не производил впечатления человека голодного или вообще обездоленного. Это был толстяк с копной рыжих волос и с красным лицом; на нем был костюм из грубой ткани – наполовину плисовый, наполовину вельветовый. Из плиса были сшиты его штаны и гетры; а из вельвета, когда-то бутылочно-зеленого цвета, но уже давно выцветшего и теперь почти коричневого, – охотничья куртка с большими карманами на груди. Фетровая шляпа с широкими опущенными полями довершала костюм этого человека, если не упомянуть о грубой коленкоровой рубашке с небрежно завязанным вокруг шеи красным платком и об ирландских башмаках.

Не только ирландские башмаки и плисовые штаны выдавали его национальность. Его губы, нос, глаза, вся его внешность и манеры говорили о том, что он ирландец.

Если бы у кого-нибудь и возникло сомнение, то оно сразу рассеялось бы, стоило толстяку открыть рот, чтобы начать говорить – что он и делал время от времени, – с таким произношением говорят только в графстве Голуэй. Можно было подумать, что ирландец разговаривает сам с собой, так как в хижине, кроме него, как будто никого не было. Однако это было не так. На подстилке из лошадиной шкуры перед тлеющим очагом, уткнувшись носом в золу, лежала большая собака. Казалось, она понимала язык своего собеседника. Во всяком случае, человек обращался с ней, как будто ждал, что она поймет каждое слово.

– Что, Тара, сокровище мое, – воскликнул человек в плисовых штанах, – хочешь назад в Баллибаллах? Небось рада бы побегать во дворе замка по чистым плитам! И подкормили бы тебя там как полагается, а то, глянь-ка, кожа да кости – все ребра пересчитаешь. Дружочек ты мой, мне и самому туда хочется! Но кто знает, когда молодой хозяин решит вернуться в родные места! Ну ничего, Тара! Он скоро поедет в поселок, старый ты мой пес, обещал и нас захватить – и то ладно. Черт побери! Вот уже три месяца, как я не был в форту. Может, там я и встречу какого-нибудь дружка среди ирландских солдат, которых сюда на днях прислали. Ну уж и выпьем тогда! Верно, Тара?

Услышав свое имя, собака подняла голову и фыркнула, как будто хотела сказать «да».

– Да и теперь бы неплохо промочить горло, – продолжал ирландец, бросая жадный взгляд в сторону бутылки. – Только бутылка-то ведь уже почти пустая, и молодой хозяин может хватиться. Да и нечестно пить не спросясь. Правда, Тара?

Собака опять подняла морду над золой и опять фыркнула.

– Ведь ты в прошлый раз сказала «да»? И теперь говоришь то же самое? А, Тара?

Собака снова издала тот же звук, который мог быть вызван либо небольшой простудой, либо пеплом, который попадал ей в ноздри.

– Опять «да»? Так и есть! Вот что эта немая тварь хочет сказать! Не соблазняя меня, старый воришка! Нет-нет, ни капли виски. Я только выну пробку из бутылки и понюхаю. Наверняка хозяин ничего не узнает; а если бы даже и узнал – он не рассердится. Только понюхать – это ведь не беда.

С этими словами ирландец встал и направился в угол, где стояла бутылка.

Несмотря на все заверения, в его движениях было что-то вороватое – то ли он сомневался в своей честности, то ли сомневался, хватит ли у него силы воли противостоять соблазну.

Он постоял немного, прислушиваясь, обернувшись к двери; потом поднял соблазнявший его сосуд, вытащил пробку и поднес горлышко к носу.

Несколько секунд он оставался в этой позе; среди тишины только время от времени раздавалось фырканье, подобное тому, которое издавала собака и которое ирландец истолковывал как утвердительный ответ на свои сомнения. Этот звук выражал удовольствие от ароматного крепкого напитка.

Однако это успокоило его лишь на короткое время; постепенно дно бутылки поднималось все выше, а горлышко с той же скоростью опускалось прямо к вытянутым губам.

– Черт побери! – воскликнул ирландец еще раз, взглянув украдкой на дверь. – Плоть и кровь не устоят против запаха этого чудесного виски – как не попробовать его! Куда ни шло! Я только одну каплю, лишь бы смочить кончик языка. Может быть, обожгу язык... ну да ладно.

И горлышко бутылки соприкоснулось с губами; но, очевидно, дело шло не о «капле, лишь бы смочить кончик языка», – послышалось бульканье убывающей жидкости, говорившее о том, что ирландец, видно, решил промочить как следует всю гортань и даже больше.

Чмокнув с удовлетворением несколько раз, он заткнул бутылку пробкой, поставил ее на место и снова уселся на свой табурет.

– Ах ты, старая плутовка, Тара! Это ты ввела меня в искушение. Ну ничего, хозяин не узнает. Все равно он скоро поедет в форт и сможет сделать новый запас.

Несколько минут ирландец сидел молча. Думал ли он о своем проступке или просто наслаждался действием алкоголя – кто знает?

Вскоре он опять заговорил:

– И что это мистера Мориса так тянет в поселок? Он сказал, что отправится туда, как только поймает крапчатого мустанга. И на что ему вдруг так понадобилась эта лошадка? Это неспроста. Хозяин уже три раза охотился за ней и не смог набросить веревку на шею этой дикой твари – а ведь сам-то был на гнедом, вот как! Он говорит, что разобьется в лепешку, а все-таки поймает ее, ей-богу! Скорее бы уж, а то как бы не пришлось нам с тобой проторчать здесь до того самого утра, когда начнется Страшный суд... Ш-ш! Кто там?

Это восклицание вырвалось у ирландца потому, что Тара соскочила со своей подстилки и с лаем бросилась к двери.

– Фелим! – раздался голос снаружи. – Фелим!

– Вот и хозяин, – пробормотал Фелим, вскакивая со стула и направляясь следом за собакой к выходу.

Глава VI

Крапчатый мустанг

Фелим не ошибся: это был голос его хозяина, Мориса Джеральда.

Выйдя за дверь, слуга увидел приближающегося мустангера. Как и следовало ожидать, он возвращался домой верхом на своей лошади; но теперь гнедой, весь мокрый от пота, казался почти черным, бока и шея у него были взмылены.

Гнедой был не один. На туго натянутом, привязанном к седельной луке лассо он вел за собой товарища – вернее, пленника. Кожаный ремень, туго обхватывавший челюсть пойманного мустанга, придерживался другим прикрепленным к нему ремнем, который был переброшен через голову на шею, непосредственно за ушами животного.

Это был мустанг совершенно необычайной окраски. Даже среди огромных табунов, пасущихся в прериях, где встречаются лошади самых неожиданных мастей, такая масть была редкой.

Лошадь была темно-шоколадного цвета с белыми пятнами, разбросанными так же равномерно, как темные пятна на шкуре ягуара. Оригинальная окраска лошади сочеталась с безупречным сложением. Она была широкогрудая, с крутыми боками, стройными тонкими ногами и головой, которая могла бы служить образцом лошадиной красоты; крупная для мустанга, она была гораздо меньше обыкновенной английской лошади, даже меньше гнедого – тоже мустанга, который помог захватить ее в плен.

Красавица-лошадь была кобылой; она принадлежала к табуну, который любил пастись у истоков Аламо, где мустангер три раза безуспешно преследовал ее.

Только на четвертый раз Морису посчастливилось. Чем вызвано неудержимое желание поймать именно эту лошадь, оставалось тайной мустангера.

Фелим еще ни разу не видел своего хозяина таким довольным – даже когда Морис возвращался с охоты, как это часто бывало, с пятью или шестью пойманными мустангами.

И никогда еще Фелим не видел такой красивой пленницы, как крапчатая кобыла. Ею залюбовался бы и не такой знаток лошадиной красоты, как бывший грум замка Баллах.

– Гип-гип-ура! – закричал Фелим, как только увидел пленницу, и подбросил вверх свою шляпу. – Слава Пресвятой Деве и святому Патрику¹⁶, мистер Морис поймал наконец крапчатую! Это кобыла, черт возьми! Ну и лошадка!.. Не диво, что вы так гонялись за ней. Ей-богу! У нас на ярмарке в Баллиносло мы могли бы заломить за нее любую цену, и ее бы у нас все равно с руками оторвали. Ну и лошадка!.. Куда же мы ее поставим? В кораль со всеми?

– Нет, там ее могут залягать. Привяжем лучше под навесом. Кастро, как гостеприимный хозяин, уступит ей свое место, а сам проведет ночь под открытым небом. Видел ли ты, Фелим, когда-нибудь такую красавицу... я хотел сказать – такую красивую лошадь?

– Никогда, мастер Морис, никогда в жизни! А я видел много породистых лошадок в Баллибаллахе. У, прелесть, так бы и съел ее! Только у нее такой вид, что она сама, того и гляди, кого-нибудь съест. Вы ее еще совсем не объезжали?

– Нет, Фелим, я займусь ею, когда у меня будет побольше времени. Это надо сделать как следует. Ведь страшно испортить такое совершенство. Я начну объезжать ее, когда отведу в поселок.

– А когда вы туда собираетесь?

– Завтра. Мы должны выехать на заре, чтобы к вечеру добраться до форта.

¹⁶ Святой Патрик считался покровителем Ирландии.

– Вот это хорошо! Я рад не за себя, а за вас, мастер Морис. Известно ли вам, что у нас виски уже на исходе? Об этом можно судить по тому, как оно в бутылки бултыхается. Эти плуты в форту здорово надувают: они и разбавляют, и недоливают. Галлон английского виски мы пили бы раза в три дольше, чем эту американскую «дрянь», как сами янки ее окрестили.

– Насчет виски не беспокойся, Фелим. Там ведь хватит и на сегодня и чтобы наполнить наши фляги для завтрашнего путешествия. Не унывай, старый Баллибаллах! Пойдем-ка сперва устроим крапчатую лошадку, а потом у нас будет время поговорить о новом запасе целебного напитка, который, я знаю, ты любишь больше всего на свете, если не считать самого себя.

– И вас, мастер Морис! – добавил Фелим, посмеиваясь.

Мустангер улыбнулся и соскочил с седла.

* * *

Крапчатую кобылу поставили под навес, а Кастро привязали к дереву. Фелим стал чистить его по всем правилам, которые приняты в прерии.

Утомленный до изнеможения, мустангер бросился на свою постель из лошадиной шкуры. Ни за одним мустангом ему не приходилось гоняться так долго, как за крапчатой кобылой. Чем была вызвана такая настойчивость, об этом не знал никто на свете – ни Фелим, ни Кастро, его верный конь, – никто, кроме него самого.

Несмотря на то что ему пришлось провести несколько дней в седле, из них три последних – в непрерывной погоне за крапчатой кобылой, несмотря на страшную усталость, мустангер не мог уснуть.

Время от времени он вставал и начинал ходить взад и вперед по хижине, как будто чем-то сильно взволнованный.

Уже несколько ночей он страдал от бессонницы, ворочаясь с боку на бок, так что не только его слуга Фелим, но даже собака Тара стала удивляться поведению хозяина.

Слуга мог бы подумать, что хозяин горит нетерпением поймать крапчатую кобылу, если бы он не знал, что лихорадочное беспокойство его господина началось раньше, чем он узнал о ее существовании.

Только несколько дней спустя после возвращения мустангера из форта крапчатая кобыла впервые попала на глаза, так что это не могло быть причиной перемены его настроения.

Казалось, удачная охота, вместо того чтобы успокоить его, вызвала обратное действие. Так, по крайней мере, думал Фелим. Наконец он решился, пользуясь правом молочного брата, спросить мустангера, что с ним случилось.

Когда тот снова стал ворочаться с боку на бок, раздался голос слуги:

– Мастер Морис, что с вами? Скажите мне, ради бога!

– Ничего, Фелим, ничего. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Да как же не спросить? Вы же ни на минуту не сомкнули глаз с того самого дня, как в последний раз вернулись из поселка. Что-то отняло там у вас сон. Неужто вы мечтаете об одной из этих мексиканских девушек – «мучаче», как их тут называют? Нет, я этому не поверю. Потомку древнего рода Джеральдов этак не годится.

– Глупости, дружок! Тебе всегда что-нибудь мерещится. Дай-ка лучше мне закусить. Не забывай, что я с утра ничего не ел. Что у тебя найдется в кладовой?

– Признаться, у нас запасы невелики. Ведь за те три дня, что вы ловили этого мустанга, ничего не прибавилось. Есть немного холодной оленины и кукурузного хлеба. Если желаете, я разогрею мясо в горшке.

– Хорошо, я могу подождать.

– А не легче ли вам будет ждать, если вы сначала смочите горло этим снадобьем?

– Что ж, я не прочь.

– Чистого или с водой?

– Стакан грога. Только принеси холодной воды из ручья.

Фелим взял серебряный кубок и уже собрался было идти, как вдруг Тара с громким лаем бросилась к двери. Фелим с некоторой опаской направился к выходу.

Лай собаки сменился радостным повизгиванием, как будто она приветствовала старого друга.

– Это старый Зеб Стумп, – сказал Фелим, выглянув за дверь, и спокойно вышел. У него было два намерения: во-первых, приветствовать гостя и, во-вторых, выполнить приказание хозяина.

Человек, который появился у дверей хижины, был так же не похож ни на одного из ее обитателей, как и они друг на друга.

Ростом он был не меньше шести футов. На нем были сапоги из дубленой кожи аллигатора; в широкие голенища были заправлены штаны из домотканой шерсти, когда-то покрашенные в соке кизила, но теперь уже потерявшие от грязи свой цвет. Прямо на тело была надета рубашка из оленьей кожи, а поверх нее – выцветшая зеленая куртка, сшитая из байкового одеяла с вытертым ворсом. Сильно потрепанная порывевшая войлочная шляпа дополняла его скромный костюм.

Снаряжение Зеба Стумпа было обычным для лесных охотников Северной Америки. Сумка с пулями и большой, изогнутый серпом рог для пороха были подвешены с правой стороны на ремешке, перекинутом через плечо; куртка была перехвачена широким кожаным поясом; на нем висели кожаные ножны, из которых высовывалась грубая рукоятка большого охотничьего ножа, сделанная из оленьего рога.

В отличие от большинства техасских охотников, он никогда не носил ни мокасин, ни гетр, ни длинной рубахи из оленьей кожи, отороченной бахромой. На его скромной одежде не было вышивки, на охотничьем снаряжении – украшений. Все просто, почти невзрачно, как будто Зеб осуждал всякое франтовство.

Даже ружье – его верное оружие, главное орудие его ремесла – выглядело как длинный брусок железа, прикрепленный к неотполированной коричневой деревяшке. Когда хозяин ставил ружье на землю, то дуло доходило ему до плеча.

Охотнику, одежду и оружие которого мы только что описали, было на вид лет пятьдесят. Кожа у него была смуглая, а черты лица на первый взгляд казались суровыми.

Однако, приглядевшись, вы начинали чувствовать, что этот человек не лишен спокойного юмора. Лукавый огонек в его маленьких серых глазах говорил о том, что старый охотник ценит хорошую шутку и сам не прочь пошутить.

Фелим уже упомянул его имя: это был Зебулон Стумп, или Старый Зеб Стумп, как его называли в узком кругу знакомых. Когда его спрашивали, откуда он родом, он всегда отвечал: «Кентуккиец по рождению и воспитанию».

Зеб Стумп родился и вырос в штате Кентукки и провел свою молодость среди девственных лесов Нижней Миссисипи, занимаясь исключительно охотой. Теперь, на склоне лет, он продолжал это же занятие, но уже в дебрях юго-западного Техаса.

Тара прыгала и всячески по-собачьи приветствовала старого охотника; сразу было видно, что Зеб Стумп и ее хозяин – приятели.

– Здравóво! – лаконично сказал Зеб, загораживая дверь хижины своей могучей фигурой.

– Здравствуйте, мистер Стумп! – ответил мустангер, вставая навстречу гостю. – Заходите и садитесь.

Охотник не заставил себя просить – он перешагнул порог и, неуклюже повернувшись, уселся на неустойчивом табурете, на котором раньше сидел Фелим. Сиденье было таким низким, что колени Стумпа очутились почти на уровне его подбородка, а длинный ствол ружья, словно пика, возвышался на несколько футов над головой.

– Черт бы побрал эти табуретки, – заворчал он, явно недовольный таким положением, – да и вообще все стулья! На что лучше бревно: чувствуешь по крайней мере, что оно под тобой не проломится.

– Садитесь сюда, – сказал хозяин, указывая на кожаный чемодан в углу. – Он понадежней.

Старый Зеб не заставил себя уговаривать, встал, выпрямился во весь рост и пересел на чемодан.

– Пешком, мистер Стумп, как всегда?

– Нет, со мной кляча; я привязал ее к дереву. Я не охотился.

– Вы, кажется, никогда не охотитесь верхом, не правда ли?

– Что я, дурак? Те, кто охотится верхом на лошади, круглые дураки.

– Но ведь в Техасе все так делают.

– Все или не все, но это дурацкий обычай, обычай ленивых дураков. На своих двоих я подстрелю больше дичи за один день, чем верхом за целую неделю. Конечно, для вас лошадь необходима, у вас дичь другая; но ежели выслеживать медведя, оленя или дикого индюка, то на лошади их всех распугаешь. Свою старую кобылу я держу только для того, чтобы перевозить на ней добычу.

– Вы говорите, она тут? Фелим поставит ее под навес. Ведь вы переночуете у нас?

– По правде сказать, я с этим намерением и приехал. О моей лошади не беспокойтесь: она хорошо привязана. Позже я ее пушу на пастбище.

– Не хотите ли закусить? Фелим как раз готовит ужин. К сожалению, ничего, кроме оленины, не могу вам предложить.

– Что может быть лучше хорошей оленины! Разве что медвежатина... Только эту дичь надо хорошенько поджаривать на горячих углях. Давайте я помогу стряпать... Мистер Фелим, сходите-ка к моей кляче и принесите индейку – она привязана к луке седла; я подстрелил ее по дороге.

– Чудесно! – воскликнул мустангер. – Наши запасы совсем истощились. Последние три дня я охотился за одним редкостным мустангом и не брал с собой ружья. Фелим и я, да и Тара тоже, совсем изголодались за это время.

– А что это за мустанг? – с интересом спросил охотник, не обращая никакого внимания на последнее замечание.

– Темно-шоколадная кобыла с белыми пятнами. Прекрасная лошадь!

– Черт побери, парень! Да ведь это как раз то дело, которое и привело меня сюда!

– Правда?

– Я видел этого мустанга. Кобыла, вы говорите? Этого я не знал, она ни разу не подпустила меня к себе ближе чем на полмили. Я видел ее несколько раз в прерии и решил, что вам стоит ее изловить. И вот почему. После того как мы с вами в последний раз виделись, я был на Леоне. Туда приехал один человек, которого я знал еще на Миссисипи. Это богатый плантатор; он жил на широкую ногу. Немало оленей и индюков поставлял я ему. Его зовут Пойндекстер.

– Пойндекстер?

– Да. Это имя знают все на берегах Миссисипи – от Орлеана до Сент-Луиса. Тогда он был богат; да и теперь, видно, не беден, так как привел с собой добрую сотню негров. Кроме того, с ним приехал племянник, по имени Колхаун, у которого водятся деньжата, и делать парню с ними нечего, разве что отдать своему дядюшке взаймы; и отдаст, правда не без задней мысли: парень себе на уме. Теперь я скажу, что привело меня к вам. У этого плантатора есть дочка, большая охотница до лошадей. В Луизиане она ездила на самых бешеных, каких только можно было найти. Она услышала, как я рассказывал старику о крапчатом мустанге, и не давала отцу покоя, пока он не обещал ей, что не пожалеет денег за эту лошадь. Он сказал, что даст двести долларов. Конечно, все здешние мустангеры, как только об этом узнают, сейчас же погонятся

за лошадкой; и вот, не сказав никому ни слова, я поскакал сюда на своей старой кобыле. Поймайте крапчатую – и двести долларов будут у вас в кармане! Зеб Стумп ручается за это.

– Не пройдете ли вы со мной, мистер Стумп? – сказал молодой ирландец, вставая с табурета и направляясь к двери.

Охотник пошел за ним, несколько удивленный неожиданным приглашением.

Морис повел своего гостя к навесу и спросил:

– Похожа эта лошадь на того мустанга, о котором вы говорили, мистер Стумп?

– Провались я на месте, если это не он! Уже пойман! Тебе повезло, парень, – двести долларов как с неба свалились. Черт побери, ведь она стоит каждого цента этих денег! Ну и красивая же скотина! Вот будет радость для мисс Пойндекстер!

Глава VII

Беспокойная ночь

Узнав, что крапчатый мустанг уже пойман, старый охотник пришел в прекрасное расположение духа.

Его настроение стало еще лучше благодаря содержимому бутылки, в которой, вопреки опасениям Фелима, нашлось каждому «по глотку» для аппетита перед индейкой, потом по второму, чтобы запить ее, и еще по несколько за трубкой.

Оживленная беседа за ужином – по обычаю жителей прерии – касалась главным образом индейцев и случаев на охоте.

Поскольку Зеб Стумп был своего рода ходячей охотничьей энциклопедией, немудрено, что он говорил больше всех и рассказывал такие истории, что Фелим ахал от изумления.

Однако беседа прекратилась еще задолго до полуночи. Возможно, что опорожненная бутылка заставила собеседников подумать об отдыхе; но была и другая, более правдоподобная причина. Наутро мустангер собирался отправиться на Леону, и всем им предстояло рано встать, чтобы подготовиться к путешествию. Дикие лошади еще не были приручены, и их нужно было связать друг с другом, чтобы они в пути не разбежались; и еще много всяких хлопот предстояло до отъезда.

Охотник привязал свою кобылу на длинную веревку, чтобы она могла пастись, и вернулся в хижину со старым пожелтевшим одеялом, которое обычно служило ему постелью.

– Ложитесь на мою кровать, – любезно предложил ему хозяин, – а я постелю себе на полу лошадиную шкуру.

– Нет, – ответил гость. – Ни одна из ваших полочек не годится Зебу Стумпу для спанья. Я предпочитаю землю – на ней и спится лучше, и никуда не свалишься.

– Если вам так нравится, ложитесь на полу: вот здесь будет хорошо, я дам вам шкуру.

– Не тратьте зря времени, молодой человек. Я не привык спать на полу. Моя постель – зеленая трава прерии.

– Не собираетесь же вы спать под открытым небом?! – воскликнул изумленный мустангер, увидя, что гость с перекинутым через плечо одеялом направляется к выходу.

– Вот именно, собираюсь.

– Но послушайте, ведь ночь очень холодная, вы продрогнете, как во время норда.

– Пустяки. Лучше продрогнуть, чем спать в духоте под крышей.

– Вы шутите, мистер Стумп?

– Молодой человек! – торжественно сказал охотник. – Зеб Стумп за последние шесть лет ни разу не проводил ночь под крышей. Когда-то у меня было что-то вроде дома – дупло старой смоковницы. Это было на Миссисипи, когда еще моя старуха была жива; я завел это жилище ради нее; когда она умерла, я перебрался сначала в Луизиану, а потом сюда. С тех пор моя единственная крыша и днем и ночью – синее небо Техаса.

– Если вы предпочитаете спать снаружи...

– Да, предпочитаю, – коротко ответил охотник, переступая порог и направляясь к лужайке, расстилавшейся между хижин и речкой.

С ним было не только его старое одеяло – на руке у него висело кабриэсто – веревка ярдов в семь длиной, сплетенная из конского волоса. Обычно ее употребляли для того, чтобы привязывать лошадь на пастбище, но сейчас она предназначалась для другой цели.

Внимательно осмотрев освещенную луной траву, он тщательно уложил на земле веревку, окружив ею пространство диаметром в несколько футов. Перешагнув через веревку, он завернулся в одеяло, спокойно улегся и через минуту, казалось, уже спал.

Судя по его громкому дыханию, он, должно быть, на самом деле спал. Зеб Стумп благодаря крепкому здоровью и спокойной совести всегда засыпал сразу.

Однако отдыхать ему пришлось недолго. Пара удивленных глаз следила за каждым его движением: это были глаза Фелима О'Нила.

– Святой Патрик, – прошептал он, – для чего это старик огородился веревкой?

Любопытство ирландца некоторое время боролось с чувством вежливости, но потом первое взяло верх; едва лишь охотник захрапел, как Фелим подкрался к нему и стал его трясти, чтобы получить ответ на заинтересовавший его вопрос.

– Будь ты проклят, ирландский осел! – воскликнул Стумп с явным неудовольствием. – Я думал, что уже утро... Для чего я кладу вокруг себя веревку? Для чего же еще, как не для того, чтобы оградить себя от всяких гадов?

– От каких гадов, мистер Стумп? От змей, что ли?

– Ну конечно от змей, черт бы тебя побрал! Отправляйся-ка спать.

Несмотря на то что его обругали, Фелим вернулся в хижину очень довольный. «Если не считать индейцев, хуже всего в Техасе ядовитые змеи, – ворчал он, разговаривая сам с собой. – Я еще ни разу не выпался как следует с тех пор, как сюда попал. Вечно только и думаешь о них или видишь их во сне. Как жаль, что святой Патрик не посетил Техас, прежде чем отправился на тот свет!»¹⁷

Фелим, живя в уединенной хижине, мало с кем встречался и потому не знал о магических свойствах веревки из конского волоса.

Он не замедлил использовать приобретенные знания. Прокравшись тихонько в дом, чтобы не разбудить заснувшего хозяина, Фелим снял висевшую на стене веревку; затем снова вышел за дверь и выложил ее кольцом вокруг стен, постепенно разматывая на ходу.

Закончив эту процедуру, ирландец переступил порог хижины, шепча:

– Наконец-то Фелим О'Нил будет спать спокойно, сколько бы ни было змей в Техасе!

После этого монолога в хижине водворилась полная тишина. Земляк святого Патрика, не боясь больше вторжения пресмыкающихся, моментально заснул, растянувшись на лошадиной шкуре.

Некоторое время казалось, что все наслаждаются полным отдыхом, включая Тару и пойманных мустангов. Тишину нарушала только старая кобыла Стумпа, которая все еще щипала сочную траву на пастбище.

Скоро, однако, обнаружилось, что старый охотник не спит. Он ворочался с боку на бок, как будто какая-то беспокойная мысль лишила его сна.

Перевернувшись раз десять, Зеб сел и недовольно посмотрел вокруг.

– Черт бы побрал этого нахального ирландского дурня! – процедил он сквозь зубы. – Разогнал мне сон, проклятый! Надо было его вытащить и швырнуть в речку, чтобы проучить. Руки так и чешутся! Я этого не сделаю только из уважения к его хозяину... Наверно, я так и не усну до утра. – При этих словах охотник еще раз завернулся в одеяло и снова лег.

Однако уснуть ему не удалось: он ерзал, ворочался с боку на бок; наконец опять сел и заговорил сам с собой.

На этот раз угроза выкупать Фелима в ручье прозвучала более определенно и решительно.

Казалось, охотник еще колебался, когда он вдруг заметил что-то, изменившее ход его мыслей. Футы в двадцати от того места, где он сидел, по траве скользило длинное тонкое тело; в его блестящей чешуе отражались серебристые лучи месяца, и пресмыкающееся нетрудно было определить.

¹⁷ По преданию, святой Патрик уничтожил в Ирландии всех ядовитых змей.

– Змея! – шепотом произнес Зеб, когда его глаза остановились на пресмыкающемся. – Любопытно, какая это ползает здесь по ночам... Слишком велика для гремучки; правда, в этих краях встречаются гремучие змеи почти такой же величины. Но у этой слишком светла чешуя, да и тонка она телом для гремучей. Нет, это не она... А-а, теперь я узнаю гадину! Это «курочка» ищет яйца. Ах ты, бестия! И ведь ползет прямо на меня...

В его тоне не чувствовалось испуга: Зеб Стумп знал, что змея не переползет через волосяную веревку, а, коснувшись ее, поползет обратно, как от огня. Под защитой этого магического круга охотник мог спокойно следить за непрошеным гостем, если бы это была даже самая ядовитая змея.

Но она не была ядовитой. Это был всего лишь уж и притом самый безобидный, из той разновидности змей, которые в просторечии называются «курочками», несмотря на то что в списке североамериканских змей они числятся среди самых крупных.

На лице Зеба отразилось любопытство, и то не слишком большое. Охотник не удивился и не испугался даже тогда, когда уж подполз к самой веревке и, немного приподняв голову, ткнулся прямо в нее.

После этого вообще нечего было бояться; змея тотчас же повернула и поползла обратно.

Секунду или две охотник просидел неподвижно, следя за тем, как змея уползает. Кажется, он был в нерешительности – преследовать ли ее, чтобы уничтожить, или же оставить в покое. Если бы это была гремучая, копьеголовая или мокасиновая змея, он бы наступил ей на голову тяжелым каблуком своего сапога. Но безобидной змее «курочке» ему не за что было мстить. Это было ясно из слов, которые охотник пробормотал, пока змея медленно уползала:

– Бедная тварь! Пусть себе ползет восвоюси. Правда, она высасывает индюшечьи яйца и этим сокращает индюшечий род, но ведь это ее единственная пища, и нечего мне на нее сердиться. Но на этого проклятого дурака я чертовски зол. Вот с ним мне хотелось бы рассчитаться, лишь бы не обидеть его хозяина!.. Есть! Здорово придумал!

При этих словах старый охотник вскочил на ноги, выражение его лица стало лукавым и веселым, и он побежал за уползающим ужом.

Нескольких шагов было достаточно, чтобы догнать змею. Зеб бросился на нее, растопырив все десять пальцев. Через секунду ее длинное блестящее тело уже извивалось в его руке.

– Ну, мистер Фелим, – воскликнул Зеб, – теперь держись! Если я не напугаю твою трусливую душу так, что ты не заснешь до самого утра, то я простофиля, который не может отличить сарыча от индюка. Погоди же!

И охотник направился к хижине; тихонько прокравшись под ее тенью, он пустил ужа внутрь круга из веревки, которым Фелим оградил свое жилище.

Вернувшись на свое травяное ложе, охотник еще раз натянул одеяло и пробормотал:

– «Курочка» не переползет через веревку – это наверняка: ясно и то, что она облазит все, ища выход. И если змея через полчаса не заберется на этого ирландского дурня, то Зеб Стумп сам дурень... Стой! Что это? Черт побери, неужто уже?

Если бы охотник хотел сказать еще что-нибудь, то все равно ничего не было бы слышно, потому что поднялся такой неистовый шум, который мог бы разбудить все живое на Аламо и на расстоянии нескольких миль в округности.

Сначала раздался душераздирающий крик, или, вернее, вопль – такой, какой мог вырваться только из глотки Фелима О'Нила.

Затем голос Фелима потонул в хоре собачьего лая, лошадиного фыркания и ржания; это продолжалось без перерыва несколько минут.

– Что случилось? – спросил мустангер, соскочив с кровати и ощупью пробираясь к охваченному ужасом слуге. – Что на тебя нашло? Или ты увидел привидение?

– О, мастер Морис, хуже! На меня напала змея! Она меня всего искусала!.. Святой Патрик, я бедный, погибший грешник! Я, наверно, сейчас умру...

– Искусала змея? Покажи где? – спросил Морис, торопливо зажигая свечу.

Вместе с охотником, который уже успел появиться в хижине, он стал осматривать Фелима.

– Я не вижу никаких укусов, – продолжал мустангер, после того как тщательно осмотрел все тело слуги.

– Нет даже царапины, – коротко отозвался Стумп.

– Не укусила? Но она ползала по мне, холодная, как подавание.

– А была ли тут змея? – спросил Морис с сомнением в голосе. – Может быть, тебе все это только приснилось, Фелим?

– Какое там приснилось, мастер Морис! Это была настоящая змея. Провалиться мне на этом месте!

– Может, и была змея, – вмешался охотник. – Посмотрим – авось найдем ее. Чудно все же! Кругом вашего дома лежит веревка из конского волоса. Как же это гадюка могла перебраться через нее?.. Вон, вон она!

Говоря это, охотник указал в угол комнаты, где, свернувшись кольцом, лежала змея.

– Да это всего лишь «курочка»! – продолжал Стумп. – Она не опаснее голубя. Искусать она не могла, но мы все равно с ней справимся.

С этими словами охотник схватил ужа, высоко поднял и бросил оземь с такой силой, что почти лишил его способности двигаться.

– Вот и все, мистер Фелим, – сказал Зеб, наступая змее на голову своим тяжелым каблучком. – Ложись и спи спокойно до утра: змеи тебя больше не тронут.

Подталкивая ногой убитого ужа и весело посмеиваясь, Зеб Стумп вышел из хижины; снова растянувшись он на траве во весь свой огромный рост и на этот раз наконец заснул.

Глава VIII

Многоножка

После расправы со змеей все успокоились. Вой собаки прекратился вместе с воплями Фелима. Мустанги снова спокойно стояли под тенью деревьев.

В хижине водворилась тишина; только время от времени было слышно, как ерзал ирландец на подстилке из мустанговой шкуры, не веря больше в защиту веревки из конского волоса.

Снаружи тишину нарушал лишь один звук, совсем непохожий на шорохи, доносившиеся из хижины. Это было нечто среднее между мычаньем аллигатора и кваканьем лягушки; однако, поскольку этот звук вылетал из ноздрей Зеба Стумпа, вряд ли он мог быть чем-нибудь иным, нежели здоровым храпом заснувшего охотника. Его звучность говорила о том, что Зеб крепко спит.

Охотник заснул почти сразу, как только снова улегся внутри веревочного кольца. Шутка, которую он сыграл с Фелимом, чтобы отомстить за прерванный сон, успокоительно действовала на него, и он теперь наслаждался полным отдыхом.

Почти целый час длился этот дуэт; время от времени ему аккомпанировали крики ушастой совы и заунывный вой койота.

Но вот снова зазвучал хор. Запевалой, как и в прошлый раз, был Фелим.

– Спасайте, погибаю! – закричал неожиданно ирландец, разбудив не только своего хозяина в хижине, но и гостя на лужайке. – Святая Дева! Заступница чистых душ! Спаси меня!

– Спасти тебя? От кого? – спросил Морис Джеральд, снова вскочив с постели и торопливо зажигая свет. – Что случилось?

– Другая змея, ваша милость. Ох! Ей-богу, гадюка, зловреднее той, которую убил мистер Стумп. Она укусила мне всю грудь. Место, где она проползла, горит, будто кузнец из Баллибаллаха обжег меня раскаленным железом.

– Будь ты проклят, олух! – закричал Зеб Стумп, появляясь в дверях с одеялом на плече. – Второй раз ты будишь меня, дурак!.. Прошу прощения, мистер Джеральд! Известно, что дураков во всех странах хватает – и в Америке, и в Ирландии, – но такого идиота, как Фелим, я еще не встречал. Это сущее несчастье! Вряд ли нам сегодня удастся заснуть, если мы не утопим его в речке.

– Ох, милый Стумп, не говорите так! Клянусь, что здесь опять змея! Я уверен, что она еще в хижине. Только минуту назад я чувствовал, как она ползала по мне.

– Это тебе приснилось, наверно? – сказал охотник полувопросительно и более спокойно. – Говорю тебе, что ни одна техасская змея не переползет через волосяную веревку. Та наверняка была уже в хижине до того, как ты положил лассо. Вряд ли тут спрятались две сразу. Сейчас поищем...

– О господи! – кричал ирландец, задирая рубашку. – Вот он, след змеи, как раз на ребрах! Значит, была здесь вторая! О Пресвятая Дева, что со мной будет? Жжет, как огнем!

– Змея? – воскликнул Стумп, приближаясь к перепуганному ирландцу и держа над ним свечу. – Как же, змея! Нет, черт побери, клянусь, что это не змея! Это хуже!

– Хуже змеи? – воскликнул Фелим в отчаянии. – Хуже, вы сказали, мистер Стумп? Вы думаете, это опасно?

– Как тебе сказать... Все зависит от того, найду ли я кое-что поблизости и скоро ли. Если нет, то я не отвечаю...

– О мистер Стумп, не пугайте меня!

– В чем дело? – спросил Морис, увидев на груди Фелима ярко-красную полосу, словно проведенную раскаленной спицей. – Что же это, в конце концов? – повторил он с возрастаю-

щим беспокойством, заметив, как озабоченно смотрит охотник на странный след. – Я ничего подобного не видел. Это опасно?

– Очень, мистер Джеральд, – ответил Стумп, поманив мустангера за дверь хижины и говоря шепотом, чтобы не услышал Фелим.

– Но что же это такое? – взволнованно повторил Морис.

– След ядовитой многоножки.

– Ядовитая многоножка! Она его укусила?

– Нет, не думаю. Но этого и не требуется. Хватит того, что многоножка проползла, – это может быть смертельно.

– Боже милосердный! Это так опасно?

– Да, мистер Джеральд. Не раз я видел, как здоровый человек отправлялся на тот свет с такой полосой. Нужно помочь и поскорее, а то у него начнется страшный жар, а потом помутится рассудок, все равно как после укуса бешеной собаки. Но не надо пугать беднягу, пока я не выясню, нельзя ли ему помочь. В этих краях встречается трава – вернее, одно целебное растение, и, если мне удастся быстро его найти, тогда вылечить Фелима будет нетрудно. На беду, луна скрылась, и придется искать на ощупь. Я знаю, что на обрыве много этого зелья. Идите, успокойте парня, а я посмотрю, что можно сделать. Через минутку я вернусь...

Этот шепот за дверью ничуть не успокоил Фелима, а, наоборот, привел его в паническое состояние. Не успел старый охотник отправиться на поиски лечебного растения, как ирландец выбежал из хижины, вопя еще жалобнее.

Прошло немало времени, прежде чем Морису удалось успокоить своего молочного брата, убедив его, что опасности нет никакой, хотя он сам вовсе не был в этом уверен.

Скоро в дверях появился Зеб Стумп; по спокойному выражению его лица нетрудно было догадаться, что целебное растение найдено. В правой руке охотник держал несколько овальных листьев темно-зеленого цвета, густо и равномерно усаженных острыми шипами. Морис узнал в них листья кактуса орегано.

– Не бойся, мистер Фелим, – сказал старый охотник, переступая порог хижины. – Теперь бояться нечего. Я достал цветочек, который живо вытянет жар из твоей крови, быстрее, чем огонь сожжет перо... Перестань выть, говорят тебе! Ты разбудил всех птиц, зверей и гадов на двадцать миль вверх и вниз по реке. Если ты будешь продолжать, сюда сбегутся все команчи, и это, пожалуй, будет хуже, чем след стоногой твари... Мистер Джеральд, пока я буду готовить припарку, найдите, чем его перевязать.

Прежде всего охотник снял ножом шипы. Затем, удалив кожицу, он нарезал кактус тонкими ломтиками, разложил их на приготовленной мустангером чистой тряпке и ловко приложил эту «припарку», как он ее назвал, к багровой полосе на теле Фелима.

Кактус быстро оказал свое действие – его сок был хорошим противоядием. И Фелим, успокоенный уверенностью, что опасность осталась позади, а также от усталости, забылся крепким освежающим сном. После неудачной попытки найти многоножку – отвратительное пресмыкающееся, которое, в отличие от змеи, не боится переползать через волосяную веревку, – врач-самоучка вернулся на свою лужайку, где спокойно проспал до утра.

Едва рассвело, все трое были на ногах. Фелим уже оправился от перенесенной лихорадки и позабыл все страхи. Позавтракав остатками жареного индюка, они стали спешно готовиться к отъезду. Вместе со старым охотником бывший грум из Баллибаллаха готовил диких лошадей к путешествию через прерию, привязывая их друг к другу. Морис тем временем занимался своим конем и крапчатой кобылой. Особенно большое внимание он уделял прекрасной пленнице: он тщательно расчесывал ее гриву и хвост и счищал с блестящей шерсти пятна грязи – следы упорной погони, свидетельствовавшие о том, как трудно было накинуть лассо на ее гордую шею.

– Бросьте! – сказал Зеб, не без удивления наблюдая за мустангером. – Зря вы так стараетесь. Вудли Пойндекстер не из тех, кто отказывается от своего слова. Вы получите двести долларов – поверьте старому Зебу Стумпу. Черт возьми, она и стоит этих денег!

Морис ничего не ответил, но, судя по улыбке, заигравшей в уголках его рта, можно было догадаться, что кентуккиец совсем не понял причины его особенного внимания к крапчатому мустангу.

Не прошло и часа, как мустангер уже двинулся в путь на своем гнедом коне, ведя за собой на лассо крапчатую кобылу. Сзади резвой рысью бежал табун, за которым присматривал Фелим.

Зеб Стумп на своей старой кобыле с трудом поспевал за ними.

Позади, осторожно ступая по колючей траве, трусíла Тара.

Никто не остался охранять хижину: они просто закрыли дверь, обтянутую конской шкурой, чтобы внутрь не забрались четвероногие обитатели прерии. И теперь тишина, царившая кругом, нарушалась лишь криком ушастой совы, визгом пумы и заунывным лаем голодного койота.

Глава IX

Пограничный форт

На высоком флагштоке форта Индж развевается флаг, усеянный звездами; он отбрасывает колеблющуюся тень на своеобразную, удивительную панораму.

Это картина настоящей пограничной жизни – правдиво передать ее могла бы, пожалуй, только кисть Вернэ Младшего, – жизни полувоенной, полугражданской, наполовину дикой, наполовину цивилизованной; картина, пестрящая людьми разнообразного цвета кожи и в самых разнообразных костюмах, людьми всех профессий и положений в обществе.

И самый форт имеет столь же необычный вид. Звездный флаг развевается не над бастиянами с зубчатыми стенами, он отбрасывает свою тень не на казематы или потайные ходы: здесь нет ни рвов, ни валов – ничего, что напоминало бы крепость. Это просто частокол из стволов алгаробо, внутри которого находится навес – конюшня для двухсот лошадей. За его пределами – десяток построек незатейливой архитектуры, обыкновенные хижины-хакале с плетеными, обмазанными глиной стенами; самая большая из них – казарма. За ними расположены госпиталь, интендантские склады; с одной стороны гауптвахта, с другой, на более видном месте, – офицерская столовая и квартиры. Все чрезвычайно просто: оштукатуренные стены выбелены известкой, которой изобилуют берега Леоны; все чисто и опрятно, как и полагается крепости, в которой военные носят мундиры большой цивилизованной нации. Таков форт Индж.

На некотором расстоянии видна другая группа построек, не больше той, которая называется фортом. Они тоже находятся под покровительством американского флага; и хотя непосредственно над ними он не развевается, ему они обязаны своим возникновением и существованием. Это зародыш одного из тех поселков, которые обычно появляются вблизи американских военных постов, быстро развиваются и в большинстве случаев становятся маленькими городками, а иногда и большими городами.

В настоящее время население поселка состоит из маркитанта, на складе которого хранятся припасы, не числящиеся в военном пайке; хозяина гостиницы и бара, привлекающего бездельников своими полочками, уставленными гранеными бутылками; кучки профессиональных игроков, очищающих при помощи фараона и монте¹⁸ карманы офицеров местного гарнизона; двух десятков черноглазых сеньорит сомнительной репутации; такого же количества охотников, погонщиков, мустангеров и людей без определенных занятий, которые в любой стране, как правило, слоняются возле военных лагерей.

Дома этого небольшого поселка расположены в некотором порядке. По-видимому, все они – собственность одного предпринимателя. Они стоят вокруг «площади», где вместо фонарей и статуй торчат над вытоптанной травой высохший ствол кипариса и несколько кустов.

Леона в этом месте – еще почти ручей; она течет позади форта и поселка. Впереди расстилается равнина, покрытая яркой изумрудной зеленью и очерченная вдали более темной полосой леса, где могучие дубы, гикори и вязы борются за существование с колючими кактусами и со множеством вьющихся и ползучих растений-паразитов, почти неизвестных ботанику. К югу и востоку на берегу речки разбросаны дома. Это усадьбы плантаторов; некоторые из них выстроены недавно и не претендуют на какой-либо стиль, другие более вычурной архитектуры – по-видимому, уже солидного возраста. Один из них особенно обращает на себя внимание. Представьте себе большое здание с плоской крышей и зубчатым парапетом; его белые

¹⁸ *Фараон и монте* – азартные карточные игры.

стены резко выделяются на зеленом фоне леса, обступающего дом с трех сторон. Это асиенда¹⁹ Каса-дель-Корво.

Вы поворачиваетесь к северу, и перед вашими глазами неожиданно вырастает одиноко стоящая конусообразная гора; она возвышается над равниной на несколько сот футов; позади нее в туманной дали вырисовывается ломаная линия Гваделупских гор – горного хребта, венчающего высокое, почти неисследованное плоскогорье Льяно-Эстакадо.

Посмотрите выше, и вы увидите небо – полусапфировое, полубирюзовое. Днем оно совершенно чистое и безоблачное, и только золотой шар солнца сияет на нем. Ночью оно усеяно звездами, словно выкованными из светлой стали; а четко очерченный диск луны кажется здесь совсем серебряным.

Взгляните вниз в тот час, когда уже исчезли луна и звезды, когда ветерок, насыщенный ароматом цветов, дует с залива Матагорда, налетает на звездный флаг и разворачивает его в утреннем свете, – взгляните, и вы увидите картину настолько яркую и живую, капризную по очертаниям и краскам, пестрящую всевозможными одеждами, что описать ее невозможно.

Вы заметите военных: голубую форму пехотинцев Соединенных Штатов, синие мундиры драгун и светлые, почти неуловимого зеленого цвета, мундиры конных стрелков. По форме одеты только дежурные офицеры, начальник караула и сами караульные. Их товарищи, пользуясь свободным временем, бродят около казарм или под навесом конюшни в красных фланелевых рубашках, мягких шляпах и нечищенных сапогах.

Они болтают с людьми, одетыми совсем не по-военному. Это высокие охотники в рубашках из оленьей шкуры и таких же гетрах; пастухи, мустангеры, одетые, как мексиканцы; настоящие мексиканцы в широких штанах, с серапе на плечах, в сапогах с огромными шпорами и в небрежно заломленных набекрень глянцевого сомбреро. Они разговаривают с индейцами, которые пришли в форт для торговли или мирных переговоров; их палатки виднеются невдалеке. Фигуры индейцев, с накинутыми на плечи красными, зелеными и голубыми одеялами, кажутся необычайно живописными и почти классически красивыми; даже нелепая разрисовка, которой они изуродовали свою кожу, и слипшиеся от грязи черные длинные волосы, удлинённые еще прядями конских волос, не могут испортить их строгой красоты.

Вообразите себе эту пеструю толпу в разнообразных костюмах, говорящих о национальности, профессии и положении их хозяев; добавьте еще чернокожих сынов Эфиопии – офицерских грумов или слуг соседнего плантатора; представьте себе, как они стоят небольшими группками и беседуют или фланируют по равнине между фургонами; представьте себе две шестифунтовые пушки на колесах и рядом повозки с боеприпасами; одну или две белые палатки, занятые офицерами, предпочитающими из оригинальности спать под прикрытием парусины; винтовки караульных, составленные в пирамиды. Представьте себе все это, и перед вашими глазами развернется картина военного форта, находящегося на границе Техаса, на самой окраине цивилизации.

* * *

Неделю спустя после того, как плантатор из Луизианы приехал в свой новый дом, на плац-параде перед фортом Индж стояли три офицера и смотрели в сторону асиенды Каса-дель-Корво.

Они все были молоды – старшему не больше тридцати лет.

Погоны с двумя нашивками у первого указывали на его капитанский чин; второй, с одной поперечной нашивкой, был старшим лейтенантом; третий, судя по его гладким погонам, был, по-видимому, только младшим лейтенантом.

¹⁹ Асиенда – поместье; так же называется и помещичий дом в Мексике, Техасе и Южной Америке.

Они были свободны от дежурства и разговаривали о новых обитателях Каса-дель-Корво – плантаторе из Луизианы и его семье.

– Будем праздновать новоселье, – сказал капитан пехоты, имея в виду приглашение, полученное всеми офицерами гарнизона. – Сначала обед, а потом танцы. Настоящее событие! Там мы встретим, наверно, всех местных аристократов и красавиц.

– Аристократов? – смеясь, отозвался лейтенант драгунского полка. – Не думаю, что здесь много аристократов, а красавиц, наверно, и того меньше.

– Вы ошибаетесь, Генкок. На берегах Леоны можно найти и тех и других. Сюда перекочевали из Соединенных Штатов люди с большим весом в обществе. Мы встретим их на празднике у Пойндекстера, в этом я не сомневаюсь. Относительно аристократизма не беспокойтесь: у самого хозяина его столько, что хватит с избытком на всех гостей. Что же касается красавиц, бьюсь об заклад, что его дочка лучше любой девушки по эту сторону реки Сабинас! Племяннице интенданта наверняка придется уступить ей свое место первой красавицы.

– Вот как!.. – выразительно протянул лейтенант стрелкового полка; по тону его можно было понять, что эти слова задели его за живое. – Значит, мисс Пойндекстер должна быть чертовски хороша.

– Она необыкновенно хороша, если только не подурнела с той поры, как я видел ее в последний раз на балу у Лафурша. Там было несколько молодых креолов, которые добивались ее внимания, и дело чуть не дошло до дуэли.

– Кокетка, должно быть? – заметил стрелок.

– Ни капли, Кроссмен. Напротив, уверяю вас. Она девушка серьезная и не допускает излишней фамильярности – унаследовала гордость своего отца. Это фамильная черта Пойндекстеров.

– Девица как раз в моем вкусе, – шутливо заметил молодой драгун, – и если она так хороша собой, как вы говорите, капитан Слоумен, то я, наверно, влюблюсь в нее. Мое сердце, слава богу, свободно, не то что у Кроссмена.

– Послушайте, Генкок, – ответил пехотный офицер, человек практичный, – я не люблю держать пари, но готов поставить любую сумму, что, увидев Луизу Пойндекстер, вы этого больше сказать не сможете, – конечно, если будете искренни.

– Не беспокойтесь обо мне, пожалуйста, Слоумен! Я слишком часто бывал под огнем прекрасных глаз, чтобы их бояться.

– Но не таких прекрасных.

– Черт побери! Вы заставите человека влюбиться в девушку, прежде чем он взглянул на нее. Если верить вашим словам, она редкая красавица.

– Да, вы не ошиблись. Она была такой, когда я видел ее в последний раз.

– Давно ли это было?

– Бал у Лафурша? Дайте вспомнить... Года полтора назад. Вскоре после того, как мы вернулись из Мексики. Она тогда только начала выезжать; о ней говорили: «Загорелась новая звезда, рожденная для света и для славы».

– Полтора года – это большой срок, – рассудительно заметил Кроссмен. – Большой срок для девушки – особенно креолки: ведь их часто выдают замуж в двенадцать лет вместо шестнадцати. Ее красота уже могла потерять свою свежесть.

– Ничуть. Я мог бы зайти к ним, чтобы проверить, но думаю, что они сейчас хлопочут по хозяйству и, наверно, им не до гостей. Впрочем, на днях у них побывал майор, и он так много говорил о необыкновенной красоте мисс Пойндекстер, что чуть не поссорился с супругой.

– Клянусь честью, – воскликнул драгун, – вы так заинтриговали меня, что я, кажется, уже почти влюблен!

– Прежде чем вы окончательно влюбитесь, я должен предупредить вас, – сказал пехотный офицер серьезным тоном, – что вокруг розы есть шипы, – другими словами, в семье есть человек, который может причинить вам неприятности.

– Брат, наверно? Так обычно говорят о братьях.

– У нее есть брат, но не в нем дело. Это чудесный, благородный юноша, единственный из Пойндекстеров, которого не гложет червь гордости.

– Тогда ее аристократический папаша? Не думаю, чтобы он стал отказываться жить под одной крышей с Генкоками.

– Я в этом не уверен... Не забывайте, что Генкоки – янки, а плантатор – благородный южанин! Но я говорю не про старого Пойндекстера.

– Кто же тогда эта загадочная личность?

– Ее двоюродный брат – Кассий Колхаун. Очень неприятный субъект.

– Я, кажется, слышал это имя.

– И я тоже, – сказал стрелок.

– О нем слышал каждый, кто так или иначе был причастен к мексиканской войне, то есть кто участвовал в походе Скотта. Кассий Колхаун оставил по себе дурную память. Он уроженец штата Миссисипи и во время войны был капитаном в полку миссисипских волонтеров. Только его чаще встречали за карточным столом в игорном доме, чем в казармах. Было у него одно-два дельца, которые составили ему репутацию дуэлянта и задиры. Но эту славу он приобрел еще до мексиканской войны. В Новом Орлеане он слыл опасным человеком.

– Ну и что? – сказал молодой драгун несколько вызывающе. – Кому какое дело, опасный человек мистер Кассий Колхаун или безобидный? Мне это, право, безразлично. Ведь вы же говорите, что он ей всего лишь двоюродный брат.

– Не совсем так... Мне кажется, что он к ней неравнодушен.

– И пользуется взаимностью?

– Этого я не знаю. Но, по-видимому, он любимец ее отца. И мне даже объяснили – правда, под большим секретом – причину этой симпатии. Обычная история – денежная зависимость. Пойндекстер теперь уже не так богат, как раньше, иначе мы никогда не увидели бы его здесь.

– Если его дочь так обаятельна, как вы говорите, то надо думать, что Кассий Колхаун тоже скоро появится здесь.

– «Скоро»! Это все, что вам известно? Он уже здесь. Он приехал вместе со всей семьей и теперь поселился с ними. Некоторые предполагают, что они вместе купили плантацию. Сегодня утром я видел его в баре гостиницы – он пьянствовал, задира всех и хвастал, как всегда.

– У него смуглый цвет лица, на вид ему лет тридцать, темные волосы и усы, носит синий суконный сюртук полувоенного покроя, у пояса револьвер Кольта – так?

– Вот-вот! И еще кривой нож, если заглянуть за отворот сюртука. Это он самый.

– Субъект довольно неприятного вида, – заметил стрелок, – и если он такой хвастун и задира, то наружность не обманывает.

– К черту наружность! – с раздражением воскликнул драгун. – Офицерам армии дяди Сэма вряд ли подобает пугаться наружности. Да и самого задиры тоже. Если он вздумает задирать меня, то узнает, что я умею спускать курок быстрее, чем он...

В это время рожок протрубил сбор к утреннему смотру – церемонии, которая соблюдалась в маленьком форту так же строго, как если бы там стоял армейский корпус. И три офицера разошлись, каждый к своей роте, чтобы приготовить ее к смотру, который производил майор, командир форта.

Глава X

Каса-дель-Корво

Поместье, или асиенда, Каса-дель-Корво протянулось по лесистой долине Леоны более чем на три мили и уходило к югу в прерию на шесть миль.

Дом плантатора, обычно, хотя и неправильно, тоже называемый асиендой, стоял на расстоянии пушечного выстрела от форта Индж, откуда была видна часть его белых стен; остальную же часть асиенды заслоняли высокие деревья, окаймляющие берега реки.

Местоположение асиенды было необычно и, несомненно, выбрано из соображений обороны, ибо в те времена, когда закладывался фундамент дома, колонисты опасались набегов индейцев; впрочем, эта опасность грозила им и теперь.

Река делает здесь крутую излучину в форме подковы или дуги в три четверти круга; на ее хорде, или, вернее, на примыкающем к ней параллелограмме, и была построена асиенда. Отсюда и название «Каса-дель-Корво» – «Дом на излучине».

Фасад дома обращен в сторону прерии, которая расстилается перед ним до самого горизонта; по сравнению с этим великолепным лугом королевский парк покажется совсем маленьким.

Архитектурный стиль Каса-дель-Корво, как и других больших помещичьих домов Мексики, можно назвать мавританско-мексиканским.

Дом – одноэтажный, с плоской крышей – асотеей, обнесенной парапетом. Внутри находится вымощенный плитам двор – патио – с фонтаном и лестницей, ведущей на асотею. Массивные деревянные ворота главного входа; по обе стороны от них – два или три окна, защищенных железной решеткой. Таковы характерные особенности мексиканской асиенды. Каса-дель-Корво мало чем отличалась от этого типа старинных зданий, разбросанных по всей огромной территории Испанской Америки.

Такова была усадьба, недавно приобретенная луизианским плантатором.

До сих пор не произошло никаких перемен ни во внешнем виде дома, ни внутри него, если не говорить о его обитателях. Лица полуанглосаксонского, полуфранко-американского типа мелькают в коридоре и во дворе, где раньше можно было встретить лишь чистокровных испанцев; а вместо богатого, звучного языка Андалузии здесь теперь раздается резкий гортанный полутевтонский язык и только изредка музыкальная креоло-французская речь.

За стенами дома, в покрытых юкковыми листьями хижинах, где раньше жили пеоны²⁰, произошли более заметные перемены.

Там, где высокий худой вакеро²¹ в черной глянцевої шляпе с широкими полями и в клетчатом серапе на плечах, звеня шпорами, важно расхаживал по прерии, теперь ходит надменный надсмотрщик в синей куртке или плаще, щелкая своим кнутом на каждом углу; там, где краснокожие потомки ацтеков²², едва прикрытые овчиной, грустно бродили около своих хакале, теперь черные сыны и дочери Эфиопии с утра до вечера болтают, поют и пляшут, как бы опровергая суждение, что рабство – это несчастье.

К лучшему ли эта перемена на плантациях Каса-дель-Корво?

Было время, когда англичане ответили бы на этот вопрос «нет» с полным единодушием и горячностью, не допускающей сомнения в искренности их слов.

О человеческая слабость и лицемерие! Наша так долго лелеянная симпатия к рабам оказалась лишь притворством.

²⁰ Пеон – поденщик, полевой рабочий, находившийся в полурабской зависимости от помещика-испанца.

²¹ Вакеро – пастух (исп.).

²² Ацтеки – индейцы, в древности населявшие Мексику.

Оказавшись на поводу у олигархии²³ – не у старой аристократии нашей страны, потому что она не могла бы проявить такого коварства, а у олигархии буржуазных дельцов, которые пробрались к власти в стране, – на поводу у этих рьяных заговорщиков против народных прав, Англия изменила своему принципу, так громко ею провозглашенному, подорвала к себе доверие, оказанное ей всеми нациями²⁴.

* * *

Совсем о другом думала Луиза Пойндекстер, когда она задумчиво опустилась в кресло перед зеркалом и велела своей горничной Флоринде одеть и причесать себя для приема гостей.

Это было примерно за час до званого обеда, который давал Пойндекстер, чтобы отпраздновать новоселье. Не этим ли следовало объяснить некоторое беспокойство в поведении молодой креолки? Однако у Флоринды были на этот счет свои догадки, о чем свидетельствовал происходивший между ними разговор.

Хотя вряд ли это можно было назвать разговором: Луиза просто думала вслух, а ее служанка вторила ей, как эхо. В течение всей своей жизни молодая креолка привыкла смотреть на рабыню, как на вещь, от которой можно было не скрывать своих мыслей, так же как от стульев, столов, диванов и другой мебели в комнате. Разница заключалась лишь в том, что Флоринда все же была живым существом и могла отвечать на вопросы.

Минут десять после того, как Флоринда появилась в комнате, она без умолку болтала о всяких пустяках, а участие в разговоре самой Луизы ограничивалось лишь отдельными замечаниями.

– О мисс Луи, – говорила негритянка, любовно расчесывая блестящие пряди волос молодой госпожи, – ну и чудесные у вас волосы! Словно испанский мох, что свешивается с кипариса. Только они у вас другого цвета и блестят, точно сахарная патока.

Луиза Пойндекстер, как уже упоминалось, была креолка, а потому вряд ли нужно говорить, что ее волосы были темного цвета и пышные, «словно испанский мох», как наивно выражалась негритянка. Но они не были черными; это был тот густой каштановый цвет, который встречается иногда в окраске черепахи или пойманного зимой соболя.

– Ах, – продолжала Флоринда, взяв тяжелую прядь волос, которая отливала каштановым цветом на ее черной ладони, – если бы у меня были ваши красивые волосы, а не эта овечья шерсть, они все были бы у моих ног, все до одного!

– О чем ты говоришь? – спросила молодая креолка, точно очнувшись от грез. – Что ты сказала? У твоих ног? Кто?

– Ну вот, разве мисс не понимает, что я говорю?

– Право, нет.

– Я заставила бы их влюбиться в меня. Вот что!

– Но кого же?

– Всех белых джентльменов! Молодых плантаторов! Офицеров форта – всех, всех подряд! С вашими волосами, мисс Луи, я бы их всех заполонила!

– Ха-ха-ха! – рассмеялась Луиза, взглянув на Флоринду и представив ее со своей шевелюрой. – Ты думаешь, что ни один мужчина не устоял бы перед тобой, если бы у тебя были мои волосы?

²³ Олигархия (греч. власть немногих) – политическое и экономическое господство, правление небольшой кучки эксплуататоров.

²⁴ Англия, с одной стороны, боролась против работорговли, а с другой – покупая хлопок у рабовладельцев, поддерживала противников уничтожения рабства.

– Нет, мисс, не только ваши волосы, но и ваше личико, ваша кожа, белая, как алебастр, ваша стройная фигура и ваши глаза... О мисс Луи, вы такая замечательная красотка! Я слышала, как это говорили белые джентльмены. Но мне и не надо слышать, что они говорят, – я сама вижу.

– Ты научилась льстить, Флоринда.

– Нет, мисса, что вы! Ни одного словечка лести, ни одного слова! Клянусь вам! Клянусь апостолами!

Тому, кто лишь раз взглянул на Луизу, не нужны были клятвы негритянки, чтобы поверить в искренность ее слов, какими бы восторженными они ни были. Сказать, что Луиза Пойндекстер прекрасна, – значило только подтвердить общее мнение окружающего ее общества. Красота Луизы Пойндекстер поражала всех с первого взгляда, но трудно было подобрать слова, чтобы дать о ней представление. Перо не может описать прелести ее лица. Даже кисть дала бы лишь слабое представление о ее облике, и ни один художник не мог бы изобразить на безжизненном полотне волшебный свет, который излучали ее глаза – казалось, освещая все лицо. Черты его были классическими и напоминали излюбленный Фидием и Праксителем тип женской красоты. И в то же время во всем греческом пантеоне нет никого похожего на нее, потому что у Луизы Пойндекстер было не лицо богини, а гораздо более привлекательное для простых смертных – лицо женщины.

На восторженные уверения Флоринды девушка ответила веселым смехом, в котором, однако, не слышалось сомнения. Молодой креолке не нужно было напоминать о ее красоте. Луиза знала, что она прекрасна, и не раз бросала пристальный взгляд в зеркало, перед которым ее причесывала и одевала служанка. Лесть негритянки мало тронула ее, не больше, чем ласка баловня-спаниеля, и дочь плантатора снова задумалась; из этого состояния ее вывела болтовня служанки.

Флоринду это не смутило, она не замолчала. Горничную, очевидно, мучила какая-то тайна, которую ей хотелось разгадать во что бы то ни стало.

– Ах, – продолжала она, как будто разговаривая сама с собой, – если бы Флоринда была хоть наполовину так хороша, как молодая мисса, она бы ни на кого не смотрела и ни по ком бы не вздыхала!

– Вздыхала? – повторила Луиза, удивленная ее словами. – Что ты хочешь этим сказать?

– Боже мой, мисс Луи, Флоринда не такая уж слепая и не такая глухая, как вы думаете! Она давно замечает, что вы все сидите на одном месте и не пророните ни словечка, только вздыхаете, да так глубоко! Этого не бывало, когда мы жили на старой плантации в Луизиане.

– Флоринда, я боюсь, что ты теряешь рассудок, или ты его уже в Луизиане потеряла? Может быть, здешний климат плохо действует на тебя?

– Честное слово, мисс Луи, вы должны об этом спросить себя. Не сердитесь на меня, что я с вами так попросту разговариваю. Флоринда – ваша рабыня и любит вас, как черная сестра. Она горюет, когда вы вздыхаете. Потому она так и говорит с вами. Вы не сердитесь на меня?

– Конечно нет. За что мне на тебя сердиться, девочка? Я не сержусь, я же не говорила, что сержусь. Только ты ошибаешься. То, что ты видела и слышала, – всего лишь твоя фантазия. Ну а вздыхать мне некогда. Сейчас мне хватит и других дел – ведь нужно будет принять чуть ли не сотню гостей, и почти все они незнакомые. Среди них будут молодые плантаторы и офицеры, которых ты поймала бы, если бы у тебя были мои волосы. Ха-ха! А у меня нет никакого желания очаровывать их, ни одного из них! Так что поскорее причесывай мои волосы, только не плети из них сетей.

– О мисс Луи, вы правду говорите? – спросила негритянка с нескрываемым любопытством. – И вы говорите, что ни один из этих джентльменов вам не нравится? Но ведь будут два-три очень-очень красивых! Этот молодой плантатор и те два красивых офицера. Вы ведь

знаете, про кого я говорю. Все они так ухаживали за вами. Вы уверены, мисса, что ни об одном из них вы не вздыхаете?

– Опять о вздохах! – рассмеялась Луиза. – Довольно, Флоринда, мы теряем время. Не забывай, что у нас сегодня будет больше ста гостей и мне нужно хотя бы полчаса, чтобы подготовиться к такому большому приему.

– Не беспокойтесь, мисс Луи, не беспокойтесь! Мы успеем вовремя. Вас одеть нетрудно – мисса хороша в любом наряде. Вы все равно будете первой красавицей, даже если наденете простое платье сборщицы хлопка!

– Как ты научилась льстить, Флоринда! Я подозреваю, что тебе что-то от меня надо. Может быть, ты хочешь, чтобы я помирила тебя с Плутоном?

– Нет, мисса, Плутон никогда больше не будет моим другом. Плутон оказался таким трусом, когда на нас налетела буря в черной прерии! О, мисс Луи, что бы мы только делали, если бы не подоспел тот молодой джентльмен на гнедой лошади!

– Если бы не он, милая Флоринда, наверно, никого из нас здесь не было бы.

– О мисса, а какой же он красавец! Вы помните его лицо? Его густые волосы совсем такого же цвета, как ваши, только выются они немного вроде моих. И что тот молодой плантатор или офицер из форта по сравнению с ним! Пусть наши негры говорят, что он просто белый бродяга, – так что из этого? Он такой красавец, он заставит любую девушку вздыхать. Очень, очень пригожий малый!

До последней минуты молодая креолка сохраняла спокойствие. Теперь оно было нарушено. Случайно или намеренно, но Флоринда коснулась самых сокровенных дум своей молодой госпожи.

Луизе не хотелось открывать свою тайну даже рабыне, и она обрадовалась, когда со двора донеслись громкие голоса, – это был благовидный повод поскорее закончить туалет, а вместе с ним и разговор, который ей не хотелось продолжать.

Глава XI

Неожиданный гость

– Эй ты, черномазый, где твой хозяин?
– Масса Пойндекстер, сэр? Старый или молодой?
– На что мне молодой? Я спрашиваю о мистере Пойндекстере. Где он?
– Да-да, сэр, они оба дома, то есть их обоих нет дома – ни старого хозяина, ни молодого масса Генри. Они там, внизу, – у речки, где делают новую ограду. Да-да, они оба там.
– Внизу, у речки? Далеко ли это отсюда, как ты думаешь?
– О сэр! Негр думает, что это мили за три или четыре, если не дальше.
– За три или четыре мили? Да ты совсем дурак! Разве плантация мистера Пойндекстера тянется так далеко? А, насколько мне известно, он не из тех, кто ставит ограды на чужой земле. Вот что: скажи-ка лучше, когда он вернется? Уж это ты должен знать.

– Они оба должны скоро воротиться – и молодой хозяин, и старый, и масса Колхаун тоже. Будет большой праздник в этом доме – понюхайте, как пахнет из кухни! И чего только там не готовят сегодня – и жареное, и вареное, и целые туши, запеканки и курятина! Пир у нас будет не хуже, чем бывало на Миссисипи. Честь и слава масса Пойндекстеру! Он старик что надо, да-да, незнакомец! Что же вас не позвали на праздник – или вы не друг старого хозяина?

– Черт тебя побери, негр, разве ты меня не помнишь? А я вот всматриваюсь в твою черную физиономию и узнаю тебя.

– Господи! Неужели это масса Стумп, который привозил оленину и индюков на старые плантации? Вот так так – и правда! Право же, масса Стумп, негр помнит вас так хорошо, как будто было позавчера. Вы, кажется, заходили на днях, но меня здесь не было. Я кучер теперь – сижу на козлах кареты, в которой ездит молодая хозяйка плантации, красавица миссис Лу. Ей-богу, масса, лучше ее не найти! Люди говорят, что Флоринда ей в подметки не годится... Ну, ничего, масса Стумп, вы лучше подождите малость – старый хозяин вот-вот будет дома.

– Ладно, если такое дело, я подожду, – ответил охотник, неторопливо слезая с седла. – Слушай, – продолжал он, передавая негру поводья, – дай-ка ей штучек шесть початков кукурузы. Я проскакал на скотине больше двадцати миль с быстротой молнии – старался для твоего хозяина.

– О, мистер Зебулон Стумп, это вы? – раздался серебристый голосок, и на веранде появилась Луиза Пойндекстер. – Я так и думала, что это вы, – продолжала она, подходя к перилам, – хотя и не ожидала увидеть вас так скоро. Вы как будто сказали, что собираетесь в далекое путешествие. Но я очень рада, что вижу вас здесь; папа и Генри тоже будут вам рады... Плутон, иди сейчас же к кухарке Хлое и узнай, чем она может накормить мистера Стумпа... Вы ведь не обедали, не правда ли? Вы весь в пыли – наверно, приехали издалека?... Послушай, Флоринда, беги к буфету и принеси чего-нибудь выпить. У мистера Стумпа, наверно, сильная жажда – ведь сегодня такой жаркий день... Что вы предпочитаете: портвейн, шерри, кларет? Ах да, теперь я вспоминаю – вы предпочитаете мононгахильское виски. У нас, кажется, найдется... Посмотри, Флоринда, что там есть... Поднимитесь на веранду, мистер Стумп, и присядьте, пожалуйста. Вы хотели видеть отца? Он должен вернуться с минуты на минуту. А я постараюсь пока занять вас.

Если бы молодая креолка кончила говорить и раньше, она все равно не получила бы ответа сразу. Даже и теперь Стумп заговорил только через несколько секунд. Он стоял, не сводя с нее глаз, и как будто онемел от восхищения.

– Боже милостивый, мисс Луиза! – наконец выговорил он. – Когда я видел вас на Миссисипи, я думал, что вы самое прекрасное создание на земле. А теперь я уверен, что вы самое прелестное создание не только на земле, но и в небесах! Иосафат!

Старый охотник не преувеличивал. Только что причесанные волосы молодой креолки блестели, ее щеки после холодной воды горели ярким румянцем. Стройная, в легком платье из белой индийской кисеи, Луиза Пойндекстер действительно казалась первой красавицей на земле, а может быть, и на небе.

– Иосафат! – снова воскликнул охотник. – Мне случалось на своем веку видеть женщин, которые казались мне красивыми, и моя жена была недурна собой, когда я впервые встретил ее в Кентукки, – все это так. Но я скажу вот что, мисс Луиза: если взять всю их красоту и соединить в одно, то все равно не получилось бы и тысячной части такого ангела, как вы.

– Ай-яй-яй, мистер Стумп, мистер Стумп, от вас я этого не ожидала! Как видно, Техас научил вас говорить комплименты. Если вы будете продолжать в том же духе, боюсь, вы лишитесь своей репутации правдивого человека. Теперь я уже совсем убеждена, что вам необходимо как следует выпить... Скорей, Флоринда!.. Вы, кажется, сказали, что предпочитаете виски?

– Если я и не сказал, то, во всяком случае, подумал, а это почти одно и то же. Да, мисс, я отдаю предпочтение нашему отечественному напитку перед всеми иностранными и никогда не пройду мимо него, если только увижу. В этом отношении Техас меня не переделал.

– Масса Стумп, подать вам воды, чтобы разбавить? – спросила Флоринда, появляясь со стаканом, наполовину наполненным виски.

– Что ты, голубушка! Зачем мне воды? Она мне надоела за сегодняшний день. С самого утра у меня во рту не было ни капли вина, даже запаха не слышал.

– Дорогой мистер Стумп, но ведь виски невозможно так пить – оно обожжет вам горло. Возьмите немного меда или сахара.

– Зачем же переводить добро, мисс! Виски – прекрасный напиток и без этих снадобий, особенно после того, как вы на него взглянули. Сейчас увидите, могу ли я пить его неразбавленным. Давайте попробуем!

Старый охотник поднес стакан к губам и, сделав три-четыре глотка, вернул его пустым Флоринде. Громкое чмокание почти заглушило невольные возгласы удивления, вырвавшиеся у молодой креолки и ее служанки.

– Обожжет мне горло, вы сказали? Нисколько. Оно только промыло мне глотку, и теперь я могу разговаривать с вашим папашей относительно крапчатого мустанга.

– Ах да! А я совсем забыла... Нет, я не то хотела сказать... Я просто думала, что вы не успели еще ничего узнать. Разве есть какие-нибудь новости об этом красавце?

– «Красавце» – это правильно сказано.

– Вы слышали что-нибудь новое об этом мустанге, после того как были у нас?

– Не только слышал, но видел его и даже руками трогал.

– Неужели?

– Мустанг пойман.

– В самом деле? Какая чудесная новость! Как я рада, что увижу этого красавца, и как хорошо будет проехать на нем! С тех пор как я в Техасе, у меня не было ни одной хорошей лошади. Отец обещал мне купить этого мустанга за любую цену. Но кто этот счастливец, которому удалось настичь его?

– Вы хотите сказать, кто поймал лошадку?

– Да-да! Кто же?

– Ну конечно мустангер.

– Мустангер?

– Да, и такой, который и верхом ездит, и лассо бросает лучше всех в здешней прерии. А еще хвалят мексиканцев! Никогда я не видел ни одного мексиканца, который так искусно

управлялся бы с лошадьми, как этот малый, а в нем нет ни капли мексиканской крови – ручаюсь головой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.